

Наталья Борохова

Двойные Игры адвоката

Расследование Елизаветы Дубровской

Расследование Елизаветы Дубровской

Наталья Борохова

Двойные игры адвоката

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Борохова Н. Е.

Двойные игры адвоката / Н. Е. Борохова — «Эксмо»,
2019 — (Расследование Елизаветы Дубровской)

ISBN 978-5-04-099771-8

Вопреки желанию мужа и свекрови, адвокат Лиза Дубровская не собиралась становиться домохозяйкой. Поэтому легко согласилась на бесперспективное дело: защищать уголовника-рецидивиста, напавшего на женщину. И пусть обвиняемый упорно отрицал свою вину – его уверенно опознала пострадавшая, Екатерина Серебровская, а ее муж Аркадий, вовремя вышедший встречать жену, и вовсе участвовал в задержании преступника. Казалось бы, все ясно еще до суда! Но кое-что в идеальной семейной жизни Серебровских показалось Лизе слишком наигранным, чтобы быть правдой, и, стоило ей познакомиться с Катей поближе, дело начало разваливаться на глазах...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099771-8

© Борохова Н. Е., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Наталья Борохова

Двойные игры адвоката

© Борохова Н. Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Екатерина вела автомобиль так осторожно, словно находилась под бдительным наблюдением сотрудников дорожной полиции и только и ждала момента, когда мужчина с жезлом подаст ей знак остановиться. Между тем был поздний вечер, и движение на проспекте казалось умеренным. Время от времени женщина смотрела в зеркало заднего вида. Но бордовый джип, который сопровождал ее уже несколько кварталов, и не думал отставать. Он наезжал всей своей громадой и норовил превратить ее «Мини-Купер» в грудку искореженного железа. Водитель забавлялся, то для виду отставая, то сокращая дистанцию и едва не упирая хромированной решеткой джипа в зад ее игрушечного автомобильчика. Ладони стали влажными, а беспокойство, поселившееся в ее душе несколько недель назад, дало о себе знать тупой болью. Катя нервничала, не понимая, что нужно странному преследователю. Конечно, она знала от мужа, что ее водительские способности далеки от идеала, поэтому вот уже пять лет на заднем стекле ее автомобиля красовалась наклейка с женской туфелькой. Но владельцу крутого джипа в этот поздний час она уже ничем не могла помешать. Полоса слева была совершенно свободна.

«Вы слишком тревожны, Екатерина Андреевна, – говорила ей сегодня психотерапевт. – Давайте попробуем вместе разобраться в причине вашего беспокойства».

«Я знаю, что скоро произойдет что-то плохое, – говорила она, теребя пальцы. – Что-то страшное...»

«Что? Вы можете объяснить?»

«Нет, но я знаю... я... чувствую», – упрямо повторяла она.

«У вас любящий муж, семья. Он и вы здоровы. Что может произойти? Давайте смотреть на вещи рационально».

Но что она могла противопоставить разумности и рациональности? Сбивчивый рассказ о ночных кошмарах? Свои дурные предчувствия? Сказку о пресловутой женской интуиции?

«Давайте-ка поступим так, – вздохнула психотерапевт, воплощенный образчик благоразумия и несокрушимого спокойствия. – Я вам посоветую средство. Ничего особенного. Так... Легкое успокоительное. Никаких побочных эффектов. У вас нормализуется сон, придет в норму настроение. У меня нет сомнений, что через пару-тройку дней вы посмотрите на мир другими глазами».

Катя не поверила ей абсолютно, но рецепт все же взяла. Должно быть, она выглядела идиоткой, но успокоительное ей и вправду не повредит...

Ее преследователю, должно быть, надоела игра в догонялки. Он добавил газа и поравнялся с ней. Какое-то время он ехал рядом, пытаясь разглядеть лицо женщины за рулем. Но когда увидел, что «Мини-Купером» управляет не миловидная студентка и не хорошенькая молодая женщина, как следовало ожидать, обиженно библикнул, что должно было означать «ездят здесь всякие» или «посторонись, корова», резко сорвался с места, и уже через пару минут его красные фонари исчезли за поворотом.

Катя наконец выдохнула, спрашивая себя, почему такое незначительное происшествие на дороге напугало ее до полусмерти. Чего тут особенного? Водитель на полупустой дороге решил приударить за хозяйкой игривого автомобильчика. Но, заметив за рулем грустную уста-

лую женщину, никак не походящую на предмет его грез, мигом растворился в свете фонарей большого города.

Действительно, Катюша не вызвала у мужчин желания пофлиртовать, и дело было даже не в ее полноте и неполных сорока годах. Мало ли среди ее ровесниц брызжущих энергией и здоровьем «девушек с формами»? Они знают себе цену, но многого и не попросят. Они смешливы и полны очарования зрелости. Но Катю сравнение со спелым фруктом вряд ли бы позабавило, скорее смутило. Роста чуть ниже среднего, полноватая, с круглым добрым лицом, голубыми глазами и волосами цвета пшеницы, она казалась себе вполне заурядной. Так себе... Среднестатистическая славянская женщина, уже достигшая того возрастного порога, когда принято больше интересоваться домом, детьми и кулинарией, чем свиданиями и флиртом. И Катя, не в пример многим молодящимся ровесницам, наперекор природе не шла. Она была естественна и прямодушна. Быть может, за это ее и любил Аркадий, самый красивый мужчина на свете, а по совместительству – ее муж. Они были ровесники, познакомились в студенческом отряде, потом поженились и прожили вместе пятнадцать лет – достаточный срок для того, чтобы прикипеть друг к другу всем сердцем. Катя и сейчас не верила, что этот красавчик достался ей, а не той же Светке, ее подруге, эффектной шатенке с глазами дикой кошки. Быть может, дело в том, что Аркадий и Светка были как два равнозначных полюса – не притягивались, а отталкивались друг от друга. Только ради Екатерины они готовы были соблюдать приличия и прикусывать языки каждый раз, когда оказывались рядом. Впрочем, за пятнадцать лет они научились вполне сносно общаться друг с другом и не превращать каждую встречу в свару. Светка не желала терять подругу, ну а Аркадий вовсе не собирался отдавать жену. Всем троим приходилось считаться друг с другом. Впрочем, это уже стало привычкой. Иногда Катя с грустью подмечала, что внешне не соответствует мужу. Аркадий был высоким, стройным, с буйной шевелюрой волнистых волос и пушистыми ресницами. Ко всему прочему, он умел подать себя: с незнакомыми людьми держался уверенно, даже несколько надменно, с друзьями был накоротке. Он любил компании, где неизменно оказывался в центре внимания. Женщины заглядывались на него, а мужчины охотно общались с ним. И те и другие, глядя на Катю, старались подавить в себе вполне естественное удивление: что этот красавец мужчина нашел в этой сдобной булке? По молодости разница несколько сглаживалась тем, что Катерина сама была веселой хохотушкой. Она играла на гитаре, неплохо пела и к тому же слыла талантливой рассказчицей. Впрочем, какой еще должна быть студентка филфака?

Катя невольно улыбнулась и кинула на себя взгляд в зеркало, словно ожидая увидеть прежнюю шальную девчонку с кокетливой челкой, щедро отполированной лаком. Отражение ответило ее робкой улыбкой бледных, не тронутых помадой губ. И когда это только она успела превратиться в унылую тетку с манией преследования?

Зазвонил телефон. Она вздрогнула.

– Милая, ты где? – раздался в трубке голос Аркадия.

– Я еду домой.

– Ты что-то поздно. Опять у Светки сидела? Я-то знаю, как она может вцепиться в ухо...

– Нет, Аркаш. Я была у психолога.

– А-а... Ну, раз такое дело... – Аркадий уважительно относился к ее визитам к психотерапевту. Более того, он сам нашел для жены специалиста, ссылаясь на рекомендации каких-то своих знакомых. – Но все-таки она могла назначить встречу пораньше. Я уже начал волноваться.

– Ты же знаешь, у меня это обычные часы приема.

– Ладно-ладно. Машину поставишь сама?

– Разумеется.

– Ну, давай. До встречи. Будь осторожна...

Будь осторожна. Ну зачем только он это сказал? Екатерина и сама ощущала привычный холодок в груди. Ей нужно было поставить машину, а потом пересечь небольшой парк. На все требовалось минут десять, не больше, но даже это казалось Кате проблемой. Сумерки действовали на нее угнетающе. Лучше бы, конечно, Аркадий встретил ее. Но просить его об этом не хотелось. Муж после долгого дня заслужил покой. Его деятельность в крупном банке требовала самоотдачи и организованности. Он работал на износ, обеспечивая и себя, и жену, поэтому отрывать его от газет и вечерних новостей было бы с ее стороны эгоистично.

Она заехала в паркинг, поставила машину на место и некоторое время оставалась за рулем, не решаясь покинуть этот островок безопасности. Но так сидеть можно было до бесконечности. Нужно идти домой и греть для Аркадия ужин. Несмотря на то что она оставила жаркое на плите, он наверняка поленился разогреть его. Когда ее не было дома, муж ограничивал себя куском колбасы с хлебом. В быту он был беспомощен и ленив, как ребенок.

Катя вздохнула и нехотя покинула автомобиль. Ее шаги гулко отдавались в бетонном помещении. Паркинг был безлюден. Женщина поднялась по лестнице на один уровень. Здесь располагался выход на улицу, и тут же стояла будка охранника. Он, увидев ее, заулыбался.

– Добрый вечерок, Екатерина Андреевна! Припозднились?

– Да. Иду домой. Доброй ночи, – ответила она, стараясь, чтобы ее голос звучал приветливо. Женщина покинула помещение и ступила в холодную мартовскую ночь. Было ветрено и очень темно. Катя обнадеежилась тем, что через несколько минут она уже будет у себя, в теплой и уютной квартире. Она разогреет жаркое и, вопреки своим намерениям не есть на ночь, все же составит мужу компанию. Они будут есть мясо и пить вино. Кажется, с праздников в холодильнике сохранилась початая бутылка отменного французского... Катя поежилась, уговаривая себя: «Всего пять минут, если я буду идти быстро... Пять... Завтра же обязательно куплю успокоительное. Нельзя так истязать себя!»

Она сделала несколько шагов по направлению к дорожке.

– Куда торопишься, красавица? – окликнул ее чей-то хриплый голос.

Темная мужская фигура возникла словно из воздуха. Екатерина могла поклясться, что, когда она выходила из паркинга, площадка перед сквером была пуста. Не было никого и на лавках. Малоприятно сидеть на них ветреной мартовской ночью. Так откуда взялся незнакомец?

Но Катя не успела ответить на этот вопрос, потому что твердая мужская рука обхватила ее за талию и повлекла куда-то в сторону кустов.

– Что вам нужно? Отпустите! – лепетала Катя, по телевизионным передачам зная, что в подобных ситуациях нужно кричать. Орать, не жалея горла. Но почему-то в ее легких внезапно кончился кислород. В горле пересохло, а перед глазами заплясали разноцветные огни.

Она не пыталась рассмотреть напавшего на нее мужчину. Но мозг помимо воли фиксировал в памяти темную массу. У преступника была черная спортивная шапочка и такого же цвета куртка или пуховик. Он был силен и, по всей видимости, трезв, что не давало ей никаких шансов на спасение.

– Возьмите у меня сумку! – просила она отчаянно. – Там кошелек. Денег немного, но берите все, что есть.

– Молчи, дура! – шикнул на нее мужчина. Он продолжал тащить ее за собой. Руки его, казалось, были сделаны из железа. Катя предприняла несколько безрезультатных попыток высвободиться из его цепких объятий. Но преступник только сильнее обхватил ее. – Будешь дергаться, убью, – пообещал он.

Страх парализовал ее волю. Екатерина не заметила, как они очутились за кустами. Теперь их не было видно даже с дороги. Прошлогдняя, скрученная в трубочки листва, повисшая на кустарнике, и несколько елей служили преступнику надежным укрытием. Вопреки самым худшим ожиданиям Кати, мужчина не стал валить ее на снег. Вместо этого он прижал ее к плотному стволу сосны, достал из кармана нож и поднес близко-близко к ее горлу. Она ощутила

холодок стали на коже и буквально вросла в дерево. Ей казалось, что одно неловкое движение может стоить ей жизни.

– Говори, где деньги, сука! – прошипел мужчина. Под шапочкой блеснули его темные глаза, в которых не было и капли теплоты или человеколюбия.

– В сумочке, – прохрипела Катя.

– В сумочке, говоришь? – он хмыкнул, рванул сумочку с ее плеча. – Посмотрим.

Завладев сумочкой, преступник не выпустил Катю. Он прижимал ее к сосне всем своим мощным телом и, казалось, наслаждался беспомощностью своей жертвы. Ее тело стало ватным, и если бы не его поддержка, Катя тут же и упала бы. Ноги уже не держали ее.

– Берите ее, все берите, – шептала Катя. – Только коробочку оставьте. Дайте ее мне. Пожалуйста.

– Коробочку? – Мужчина душил ее своим несвежим дыханием. – А что там, в коробочке? Золото? Бриллианты?

– Там лекарство... Срочно. Мне плохо.

Казалось бы, какая глупость – уповать на жалость преступника. Но у Кати не оставалось выбора. Она хватала ртом воздух, но он стал таким плотным, что отказывался проникать в легкие. Женщина хрипела, понимая, что все уже кончено. Что бы ни сделал с ней этот человек, больше она уже ничего не почувствует. Ее глаза закатились. Последним, что она увидела, была крона сосны, упирающаяся в ночное небо...

Глава 1

– Опять двадцать пять! – в сердцах воскликнул Андрей Мерцалов, наблюдая за тем, как его жена спешно застегивает на себе деловой костюм. – Объясни мне, я не понимаю! Почему ты должна идти?

– Потому что я дежурю, – отвечала Елизавета Дубровская, оглядывая себя в зеркале. Отражение было довольно привлекательным, и Лиза подавила в себе желание улыбнуться, как делала всякий раз, чтобы убедиться, что в свои тридцать два года она еще молода и хороша собой. Но рядом с ней стоял взбешенный муж, и улыбаться зеркалу было глупо.

– Вы слышали, она дежурит! – воздел глаза к потолку Андрей, словно там находились немые свидетели этой душераздирающей семейной сцены. – Ты кто, скорая медицинская помощь? Или полиция? Или, может быть, служба газа? Там без тебя кто-то умрет, утонет, задохнется?!

– Не прикидывайся, Андрей. Я адвокат по уголовным делам, и это тебе известно, – сказала Лиза, приглаживая волосы щеткой. Она решала для себя вопрос, поднять ли каштановые волны вверх, заколов шпильками, или же распустить по плечам, и муж отвлекал ее от этого важного занятия. Он задавал вопросы, ответ на которые знал сам без посторонней помощи. Лиза была адвокатом вот уже десять лет, и это обстоятельство волновало Андрея Сергеевича не меньше, чем состояние дел на фармацевтическом рынке. Он был удачливым бизнесменом от медицины, чем сколотил своей семье неплохое состояние. В определенных кругах его называли «мистер Анальгин». Он был молод, удачлив, и, что греха таить, ему было приятно иногда сказать в кругу знакомых, что его жена – адвокат по уголовным делам. Не чета каким-нибудь домашним курицам, которые только и умеют, что спускать деньги в салонах красоты и бутиках. Но почему, черт возьми, среди клиентов Лизы не оказывалось известных артистов, политиков или крупных проворовавшихся чиновников? Как-то она защищала писательницу, один раз профессора, но в основном ее подопечные были самыми простыми людьми. И это в лучшем случае. В худшем же это были люди с сомнительной репутацией, которых на порог пустить страшно. И со всеми этими типами его милая жена нянчилась, как с малыми детьми! Мерцалов даже мрачно шутил, что ему стоит кого-нибудь убить или ограбить, чтобы Лиза проявила к нему хоть малую толику той заботы, которую щедро раздаривала всем униженным, оскорбленным и оборванным. Для того чтобы наставить супругу на путь истинный, Андрей даже подарил ей офис и обставил приличной мебелью. Но он вовсе не рассчитывал, что в уважаемых кожаных креслах будут по-прежнему сидеть оборванцы! Вот и сегодня Лиза объявила ему о каком-то дежурстве. Стало быть, речь пойдет о каком-нибудь проходимце, у которого нет средств нанять адвоката.

– Насколько я помню, ты уже не работаешь в той богадельне, из которой я тебя вытащил три года назад, – напомнил он. – Откуда оно тогда взялось, это твое дежурство?

– Ты все верно помнишь, – сказала жена, нанося на губы блеск и чмокая ими, словно кого-то целуя. – Но смею тебя заверить, любой адвокат хотя бы иногда должен оказывать помощь людям без средств. Сегодня – моя очередь. Но не беспокойся, я постараюсь вернуться как можно скорее.

– Это ты им объясни! – сказал Мерцалов, осознав, что использовал все способы убеждения. Он показал рукой на двух маленьких детей, играющих на ковре под ногами родителей. Это были близнецы Маша и Саша, которым скоро должно было исполниться два года. Елизавета оказалась неразумной матерью. Она возобновила работу, когда детишкам не исполнилось и полугода. Успешно проведя дело, которое потребовало от нее немало времени и сил, она дала слово сделать перерыв и заняться детьми. Первое время она была верна своему обещанию и безвылазно сидела дома, ухаживая за близнецами: кормила их, пеленала, гуляла, играла,

пела колыбельные. Но время шло, и в глазах Лизы все чаще стала появляться тоска – верный признак того, что скоро ее деятельная натура возьмет верх и все пойдет по-прежнему. Ольга Сергеевна, мама Мерцалова, глядя на невестку, любила повторять пословицу о волке, который, корми его – не корми, все равно в лес смотрит. Волком, конечно, была Лиза, а лесом – ее треклятая адвокатская контора. Сама свекровь в свои шестьдесят лет выглядела на десять лет моложе и была еще не готова возложить на себя заботу о внуках. Она вела активную жизнь, общалась с многочисленными знакомыми, посещала театры, выставки, проводила по две недели в каждом сезоне в санаториях и пансионатах. Женщина ничего не имела бы против, если бы невестка вела праздную жизнь, поручив заботу о детях няне. Во всяком случае, так жили многие представители их круга. Но Лиза была чрезмерно увлечена своей работой, что, на взгляд свекрови, выглядело даже неприлично. Это ей напоминало затянувшуюся игру в детство: загадки, расследования и минимальная финансовая выгода. Жена ее сына должна была блистать ухоженностью и хорошими манерами, а если и ходить на работу, то заниматься делом красивым и необременительным: быть хозяйкой модного салона, диктором телевидения, владелицей бутика. Тюрьмы, убогие следственные кабинеты и залы судебных заседаний – неподходящее место для того, чтобы продемонстрировать новенькую шляпку, купленную по случаю на Оксфорд-стрит, платье с декольте и шелковые туфли. Вместо этого невестка предпочитала носить уродливые деловые костюмы, превращающие любую женщину в подобие мужчины, но верхом безобразия оставался, конечно, портфель, до отказа забитый бумагами. Этот ужасный предмет, правда итальянского производства и превосходного качества, Андрей подарил жене на Новый год. Но мадам Мерцалова охотнее приняла бы в руках невестки мундштук с сигаретой, чем этот ужасный образец женской эмансипации. Вот и сегодня, узнав о том, что Елизавете нужно ехать к следователю, Ольга Сергеевна сослалась на какие-то свои дела и, прежде чем к ней успели обратиться с просьбой посидеть с детьми, уже умчалась в город, предоставив молодым родителям возможность самим решать свои проблемы.

– Но я только вчера вернулся из командировки! – запротестовал Андрей, подозревая, что именно его оставят сегодня на хозяйстве. – Я планировал провести день дома.

– Это чудесно, – поддержала его Елизавета. – У тебя есть замечательная возможность побыть с детьми.

– Ты хочешь сказать, что я должен буду остаться с ними *один*?

Дубровская огляделась по сторонам и виновато развела руками.

– Думаю, что это так.

– Ты шутишь? – В его голосе звучал ужас. – Я не справлюсь!

Это было вполне обоснованное опасение. За два года жизни близнецов отец оставался с ними всего на пару часов, причем успел известить Лизу звонками. «Саша слишком часто дышит», «Маша уже два раза намочила пеленки. Ты считаешь, это нормально?», «Можно детям давать сок из пакета?», «Дети плачут. Может, у них аппендицит?». Когда Дубровская вернулась, она застала мужа с выражением ужаса на лице. «Что случилось?!» – с порога закричала она, предчувствуя самое страшное. «Мне кажется, Саша... От него так пахнет... Короче, ты не могла бы сменить памперс?»

Прошел год. Близнецы уже шустро перемещались по квартире, произносили отдельные слова, и с ними уже можно было поговорить. Правда, решимости у молодого отца за это время не прибавилось.

– Господи! Мама собирается нас оставить! – сказал он так, что дети сразу почувствовали неладное. Маша выпустила из рук игрушечный паровоз и громко всхлипнула. Саша ответил ей тоненьким писком. Через пару минут дети ревели в два голоса.

– Смотри, что ты наделал! – напустилась на мужа Елизавета. Она принялась успокаивать детей. Это было непросто. Маша замолкала, находясь в руках матери. В это время громко солировал Саша. Дубровская спешно опускала девочку на ковер и хваталась за сына. Но Маша под-

прыгивала на месте и требовательно тянула руки вверх. В конце концов Лиза сунула рыдающую малышку на руки отцу. Сама прижала к груди Сашу. Дети уже выросли настолько, что держать их на руках одновременно, как это иногда случалось в младенчестве, было невозможно. Тем более что Дубровская сбросила вес и ее тело почти что вернулось к прежним параметрам.

– Ты справишься! – обнадежила она мужа, поглаживая голову ребенка. – Кашу возьмешь в холодильнике, молоко там же. Можешь дать им яблочное пюре. Через два часа уложи их спать, потом смени памперсы и погуляй.

– Вообще-то я собирался отдохнуть! – запротестовал Мерцалов, пытаясь освободить нос от цепких пальцев девочки. – Я чертовски устал за неделю. План поездки был очень насыщенным.

– Сочувствую, – улыбнулась Лиза. – Но мне кажется, ты говорил, что смена занятий – сама по себе отдых.

Она несильно переживала за Мерцалова, памятуя, как часто, возвращаясь с работы, он сетовал на то, что сильно устал. Зато Дубровская, по его мнению, прекрасно проводила время, гуляя с близнецами по дорожкам парка, ползая с игрушками по ковру, глупо агукая и распевая детские песни. Теперь у него появилась возможность примерить роль отца-домохозяина на себя.

– Но у нас есть няня! – напомнил он жене, не желая сдаваться. – Пусть она придет и посидит с детьми. Кстати, где ее черти носят?

– У Лиды сегодня выходной, – пояснила Дубровская. – Она проработала всю неделю. Я не могу превращать ее жизнь в рабство.

– Ох ты боже мой! Можно подумать, ее зовут колоть дрова. Ведь речь идет только о детях... – начал Мерцалов, но сразу осекся, сообразив, что эти слова будут использованы против него. – Во сколько ты планируешь вернуться?

– Часам к трем я буду уже дома, – сказала Лиза, думая, что это слишком оптимистичный прогноз. Нового клиента она должна была увидеть впервые и, разумеется, пообщаться с ним, а следовательно что-то еще говорил о допросе и опознании, которое планировал провести. Но Мерцалову всего этого лучше было не знать. Чего доброго, муж почувствует себя брошенным навсегда и сбежит на работу.

Она схватила в руки портфель, сунула в карман пальто автомобильные ключи.

– Ну до встречи, родные! – Лиза порывисто поцеловала мужа, взъерошила волосы на голове сына, послала дочке воздушный поцелуй. – Не скучайте!

Дубровская выскочила во двор, на ходу застегивая пальто. Стоял один из тех погожих солнечных дней, когда приход весны делается очевидным. Время метелей и трескучих морозов осталось позади. Звенела капель, а птицы, купаясь в потоках солнечного света, устроили сумасшедший галдеж. В такой денек неплохо, улучив часик, выйти на крыльцо, подставить лицо солнцу и постоять так немного, зажмурив глаза. И пусть еще очень сыро, ветрено, да и голубые сумерки ложатся на землю рано, замораживая лужи. Но в глубине души уже трепыхается, как птаха, радостное ожидание тепла, света, обновления. Смешно, но это повторяется каждый год, и нет человека, способного остаться равнодушным к этому празднику жизни.

Правда, Дубровской было недосуг стоять на крыльце и слушать щебетание птиц. Ее ждал нелегкий день и, по всей видимости, непростой вечер, если не удастся завершить дела в срок. Ее супруг не отличался терпением, и ее долгое отсутствие могло сказаться на его настроении самым отвратительным образом. Она вела машину быстро, но аккуратно, изредка поглядывая на телефон, который, по своему обыкновению, помещала рядом с собой, в ящичке рядом с коробкой передач. Телефон молчал, а это означало, что пока в ней никто не нуждался. Стало быть, ситуация находилась под контролем Мерцалова. Слава богу! Это несколько ободрило Лизу, и она нажала на газ.

В Следственном комитете она предъявила удостоверение адвоката, прошла через металлический турникет и довольно быстро нашла нужный кабинет. Следователь, молодой мужчина в сером вязаном свитере, приняв из ее рук ордер, приветливо предложил присесть.

– Отлично, – сказал он. – У нас сегодня прорва работы. Сами понимаете, стараемся действовать по горячим следам. Вы будете общаться с Ушаковым?

Елизавета поняла, что так зовут ее нового клиента. Конечно, она знала, что с ним необходимо встретиться и хотя бы в общих чертах обсудить линию защиты. Обычно она так и делала. Но сегодня у Дубровской было туго со временем, и тратить на беседу два часа она себе позволить не могла. Следователь понял ее колебания по-своему.

– Не советую тратить на него время, – доверительно сказал он, прекрасно понимая, что бедняга Ушаков будет не в состоянии оплатить старания адвоката. – Дело ясное, раскрыто по горячим следам. Сейчас речь идет только о закреплении доказательств и направлении дела в суд. Поверьте, тут нет никакой интриги.

Сколько раз Дубровской приходилось слышать такие слова! Конечно, в большинстве случаев следователи оказывались правы. Преступники не могли состязаться в хитроумии и изворотливости с профессором Мориарти. Они были примитивны, впрочем, как и их преступления. Их мотивы были просты и незамысловаты, неуклюжие попытки уйти от ответственности читались без особого труда. Но иногда встречались в практике Елизаветы незаурядные дела, когда основная версия следствия терпела крах. Подсудимый оказывался на свободе, а его место за решеткой занимал тот, кого подозрение обходило стороной. Но такие случаи были редки. В криминале, как и в других видах человеческой деятельности, профессионалов немного. Дело Ушакова обещало стать одним из многих ничем не примечательных, проходных дел.

– Ваш клиент дважды судим за кражи. Так что, сами понимаете, он еще тот фрукт, – будничным голосом продолжал следователь. Дубровская кивала головой, понимая, впрочем, что Следственный комитет такими мелочами, как кражи, не занимается. Стало быть, на этот раз гражданин Ушаков освоил новое для себя криминальное ремесло и загремел всерьез и по-крупному. Она ждала продолжения. – Теперь я собираюсь ему предъявить покушение на убийство.

– Значит, жертва осталась жива? – уточнила принципиальный момент Лиза.

– Да, – нехотя подтвердил сыщик, словно его это обстоятельство огорчало. – Женщина чудом выжила. Сейчас она в больнице. Медики говорят, что ей потребуется длительная реабилитация.

История вырисовывалась пакостная. Дважды судимый Ушаков, как любят говорить следователи, на путь исправления не встал. Вместо того чтобы, по обыкновению, шарить в чужих кошельках и карманах незадачливых граждан, он решил ступить на скользкую дорожку грабежей и разбоев. Он подждал жертву в безлюдном месте, на выходе с паркинга. Расчет негодяя был прост. Автомобилисты сами по себе народ небедный. Опять же среди них немало женщин, с которыми возни меньше, а навару может оказаться больше. Ни одна дамочка не откажется за рулем от ювелирных украшений: колец, серег, браслетов, часов, да еще и денежки положит не во внутренний карман, как некоторые мужчины, а в красивый кожаный кошелек, который поместит в модную сумку. Причем денег у нее всегда с запасом – не только на бензин и на обед, но и на будущие сапоги, фирменный плащик, плату за квартиру, фитнес и салон красоты. Есть чем поживиться, одним словом.

На свою беду, в тот вечер с паркинга домой возвращалась супруга одного влиятельного финансиста. Она не успела даже позвать на помощь, когда на нее из темноты напал злоумышленник. Подавив волю жертвы насилем и угрозами, преступник заволок ее в кусты. Там, представив к горлу жертвы нож, завладел ее сумкой, обшарил ее карманы. Кто знает, на что еще он мог решиться? Женщина была полностью в его власти. Но благодаря счастливому стечению обстоятельств разбойник не довел свой черный умысел до конца. Финансист, озабочен-

ный долгим отсутствием жены и тем, что она внезапно перестала отвечать на звонки, пошел ей навстречу. Возня в кустах привлекла его внимание. Он бросился туда, и глазам его предстало ужасное зрелище. Жена без чувств лежала на снегу, а над ней нависала черная мужская фигура. Должно быть, преступник, пользуясь беспомощностью жертвы, решился на изнасилование. Финансист оттащил негодяя, заломил ему руки за спину. На помощь пришел случайный прохожий. Мужчины вызвали полицию. Хуже всего было то, что женщина едва не отдала богу душу, дожидаясь приезда «Скорой помощи». Но в конечном итоге всё оказалось в порядке. Если не считать, конечно, подорванного здоровья жертвы. Преступника задержали на месте происшествия.

– Стало быть, он признает свою вину, – задумчиво произнесла Елизавета. Ее это обстоятельство ничуть не опечалило. Интриги интригами, а ее дома дожидались два крошечных ребенка и почти такой же беспомощный муж. Если Ушаков признает вину, это сильно упростит ее задачу.

– Вот с этим неувязочка, – вздохнул сыщик. – Ваш нынешний клиент – человек недалёковидный. Может, вы сможете на него повлиять? Представьте себе, он отрицает факт нападения!

– Не очень умная позиция, если учесть, что в деле есть два очевидца. Да и сама женщина... Она способна давать показания?

– Она уже дала их, полностью подтвердив слова супруга. Осталось только провести опознание. Но с этим я не думаю, что возникнут трудности.

– Да, но как сам Ушаков объясняет тот факт, что его застали на месте преступления? Как я понимаю, чуть ли не на теле потерпевшей!

– О! Эта история достойна пера фантаста! Я рассчитываю, что он вам сам об этом расскажет. Вот, кстати, и он собственной персоной.

Дверь распахнулась, и в кабинет ввели невысокого коренастого мужчину. У него было круглое лицо, темные глаза и синяк на скуле. Внешне он мало походил на злодея. Если бы Лиза встретила его не в стенах Следственного комитета, а где-нибудь в метро или на улице, она легко приняла бы его за простого сельского парня, приехавшего в город по случаю. Несмотря на славянскую фамилию, Ушаков, должно быть, имел восточные корни. Характерный разрез глаз, широкие скулы и жгуче-черные волосы подтверждали эту догадку. Одет он был просто: в синее спортивное трико, свитер и темную куртку.

Его облик наивного сельчанина никак не вязался с манерой вести себя. Ушаков отнюдь не казался запуганным. Напротив, весь его вид выражал решимость и недовольство.

– Какого черта вы меня здесь держите?! – прорычал он, разминая затекшие в наручниках запястья.

Дубровская сразу поняла, что ее надеждам на быстрое возвращение домой сбыться не суждено. Видимо, Ушаков вознамерился сыграть роль узника замка Иф, безвинно брошенного за решетку, и адвокату придется ему в этом помогать. По закону защитник не вправе занимать по делу иную позицию. Он обязан во всем поддерживать своего клиента.

– Ну вот видите... – усмехнулся следователь, обращаясь к Лизе. Похоже, он хотел показать, с каким тяжелым случаем ему приходится иметь дело. Тут и Ушаков заметил, что в кабинете, помимо сыщика, находится еще и молодая женщина. Он недоуменно уставился на нее.

– А вот и представился случай вас познакомить, – сказал ему следователь. – Это ваш адвокат...

Конечно, он еще не успел запомнить имя и отчество адвоката, поэтому просто обратился к ордеру, где были переписаны все данные защитника.

Но Ушаков, по всей видимости, не был настроен на долгую церемонию знакомства. Ко всему прочему, он не был хорошо воспитан, поэтому следующую порцию недовольства излил уже на своего адвоката.

– Адвокат, значит? Хорошего защитника мне прислали! Сидит тут, чирикает со следователем, пока я парюсь на нарах...

Дубровская даже опешила от такого неприкрытого недоброжелательства. Обычно она гордилась своим умением наладить контакт с любым клиентом. Среди них встречались убийцы, воры, насильники. Далеко не со всеми было легко общаться. Это были люди с покалеченной судьбой, с больной, мятущейся душой. Они не щеголяли манерами, трудно подбирали слова и не спешили раскрывать душу. Многие из них были изворотливы и лживы, испорчены до такой степени, что ни один завзятый гуманист не нашел бы в них и проблеска доброты. Но все они относились к защитнику с должным уважением, резонно считая, что ключик к свободе спрятан где-то в недрах огромного адвокатского портфеля.

– Вы несправедливы к Елизавете Германовне, – вступился вдруг за Лизу следователь. – Она еще не успела приступить к вашей защите. Рановато, по-моему, предъявлять ей претензии.

Ушаков ехидно прищурился.

– Ого! Да тут следователь и адвокат выступают единым фронтом! После этого вы будете говорить, что мне крупно повезло?

Дубровская ощущала себя так, словно ей ни за что ни про что надавали пощечин. Что она сделала этому человеку? Почему он так себя ведет?

– У вас есть право отказаться от моих услуг, – произнесла она, стараясь не показать, что внутри у нее все клокочет от ярости.

– На черта мне от вас отказываться? – хмыкнул Ушаков. – Пришли сюда, так защищайте. Вам за это, кажется, деньги платят.

Каков хам! Чтобы помочь ему, Елизавета оставила дома двоих детей. Она бросила все, приехала в город – и только для того, чтобы выслушать в свой адрес кучу язвительных замечаний? Может, с точки зрения адвокатской этики она была не права, но желание защищать Ушакова у нее вдруг пропало. И как-то уж очень заманчиво воспринимался теперь совет следователя не тратить на него время и силы. Сыщик тысячу раз был прав, подозревая его в покушении на жизнь женщины. Видимо, пренебрежение к слабому полу было неотъемлемым качеством его натуры.

– Благодарю вас за позволение защищать вас, – сказала Дубровская. – Но смею заметить, вы мне денег не платили. Впрочем, даже это не важно. Если у вас есть претензии ко мне лично, вы можете изложить их в письменном виде, и я с удовольствием освобожу вас от своего присутствия.

– Не собираюсь я ничего писать! Вы будете меня защищать или кто-то другой – для меня без разницы. От вас, адвокатов, толку никакого.

Елизавета вздохнула и печально взглянула на следователя. Освободиться от этого дела у нее не было никакой возможности. Значит, придется тянуть свою ляжку, как то предписывает закон.

Следователь потер руки.

– Ну и ладненько! Думаю, после этой маленькой перебранки вы не будете просить у меня время для того, чтобы немного посеCRETничать.

– Не будем, – согласилась Лиза. О чем она могла говорить с этим типом наедине? С нее хватило того, что он успел сказать ей при знакомстве.

– Нет, нам нужно время! – заартачился вдруг Ушаков. – Вы и здесь хотите ущемить мои права?

– Нет, но я думал, что... – начал сыщик, но потом махнул рукой. – Ладно, общайтесь.

– Нам понадобится не более пяти минут! – крикнула ему вдогонку Лиза.

Дверь громко захлопнулась. Адвокат и клиент остались наедине.

Они сидели на расстоянии вытянутой руки, и Дубровская ощущала себя очень неудобно. Вдруг ненависть к женщинам приобрела у Ушакова характер мании? Он вполне мог ударить

ее по голове чем-нибудь тяжелым. В захламленном кабинете следователя, где на полу, на столе и даже на подоконнике лежали многочисленные вещдоки, любой предмет мог стать оружием. Ближе всего к ней лежал степлер, но Лиза знала, что даже если она хорошо размахнется, Ушаков отделается небольшой шишкой. А это может здорово его разозлить. Утешительным оставалось лишь то, что в этом случае его опять схватят на месте происшествия. Окно на втором этаже было плотно закрыто решеткой, и удрать через него мог бы только Копперфильд.

Конечно, Ушаков мог сделать Лизу своей заложницей и прикрываться ею как живым щитом. Интересно, будут ли тогда в него стрелять? Посчитают ли полицейские, что жизнь адвоката имеет ценность? Или ее используют как расходный материал?

Внезапно зазвонил мобильный телефон. Дубровская схватила трубку.

– Алло!

– Лиз, как подогревать кашу – в кастрюле или в микроволновке? – раздался голос мужа. Он звучал словно из другой жизни. – Мне кажется, дети хотят есть. Маша сжевала у зайца ухо.

– Делай, как тебе удобно, – произнесла Елизавета мертвым тоном. Она не спускала глаз с Ушакова. Преступник мог напасть в любой момент. – Как Маша с Сашей? – спросила она, и у нее защипало глаза. Она уже жалела, что оставила своих малюток ради сомнительного клиента.

– У них все нормально, – ответил Мерцалов. Он не осознавал, какое счастье было находиться дома и видеть лица своих детей. В его тоне явно слышалось раздражение. – Чем ты там занимаешься?

«Сижу в компании серийного убийцы и жду, когда стану его очередной жертвой».

– По голосу слышу, что ты занимаешься чем угодно, только не работой, – продолжал Мерцалов. – Ну, надеюсь, тебе удастся развлечься. Завтра я выхожу на работу. Ты слышишь? Больше на меня не рассчитывай!

– До связи, – произнесла Лиза и нажала отбой. Экран телефона погас. Она опять переместилась в казенный кабинет, на стул с распатанной спинкой.

– Что вам известно о моем деле? – спросил ее вдруг Ушаков.

– А? – Она вздрогнула. Вопрос прозвучал как выстрел. – Только то, что рассказал мне следователь.

– Он врёт.

Ну разумеется! Как она сама не догадалась.

– Он неправильно оценил ситуацию.

– А как он должен был ее оценить? – Она почувствовала внезапный прилив отваги. Должно быть, так ведет себя мышь, загнанная в угол. – Как можно неправильно оценить то, что видишь собственными глазами? Вы лежите на женщине. Все это происходит в кустах. Причем она без сознания.

«Сейчас он начнет рассказывать, что все случилось у них по обоюдному согласию». Излюбленная тактика защиты насильника – говорить о доброй воле жертвы.

– Я стремился защитить ее, – огорошил ее Ушаков.

– От кого это, интересно? – проговорила Дубровская. Надо отдать негодяю должное, он сумел ее заинтриговать.

– От грабителя, разумеется, – невозмутимо произнес клиент. – Я шел по парку, когда услышал странный шум в кустах. Приблизился и увидел, как мужчина расправляется с женщиной. К тому моменту она уже лишилась чувств. Преступник высыпал содержимое сумки на снег, опустился на колени и начал перебирать предметы. Я бросился к нему. Он не стал выяснять, кто сильнее, просто швырнул трофей в сторону и убежал. Я не преследовал его, а кинулся к женщине. Хотел узнать, нужна ли ей помощь.

– И в этот момент вас обнаружил ее муж! – с сарказмом заметила Лиза.

– Да. Он сразу повел себя очень вызывающе. Начал кричать на меня. Тут к нему подбежал еще какой-то человек, наверное, случайный прохожий. Они вместе набросились на меня и

скрутили руки. Я пытался все объяснить, кричал, что они ошиблись и нужно бежать за настоящим преступником. Но кто бы стал меня слушать! Они вызвали полицию. Итог вам известен.

– Да уж! И это та линия защиты, которую вы собираетесь предложить следствию? – спросила Дубровская.

– Это не линия защиты. Это правда, – возразил Ушаков, сверля ее тяжелым взглядом. – Вам что-то здесь не нравится?

«Мне не нравишься ты!» Не мог этот человек оказаться спасителем.

– В вашем рассказе много слабых мест, – произнесла она вслух.

– Например?

– Например, вы не учитываете, что женщина осталась жива. Она без труда сможет ответить на вопрос, кто на нее напал – вы или кто-то другой. Вы надеетесь, что она вас не опознает?

– Черт побери! Она не может меня опознать, если, конечно, она не повредила рассудком!

– К вашему счастью, говорят, что у нее с рассудком все нормально, – со значением заметила Лиза.

– Какие еще слабые места? – нетерпеливо спросил Ушаков.

– Странно, что преступник оставил сумку на месте происшествия. Ведь именно в ней заключался весь смысл его рискованного предприятия. Что мешало ему унести ее с собой? Ведь вы его не преследовали?

– Почему я должен отвечать за то, что творится в голове у этого мерзавца?! – возмутился подозреваемый. – Значит, не очень-то она ему нужна была, эта сумка. Хотя – стойте-ка! Мне кажется, он успел что-то сунуть в карман.

– Что?

– Откуда я знаю? Спросите у него!

– Очень мудрый совет! – зло улыбнулась Дубровская. – Особенно если учесть, что неведомый злоумышленник существует только в вашем рассказе. – Она едва не сказала «в ваших мечтах», но вовремя вспомнила, что ее позвали сюда защищать интересы подозреваемого, а не ловить его на лжи. – Предполагаю, что муж женщины и случайный свидетель уже заявили о том, что на месте происшествия был один преступник, а не два, – продолжила она новый аргумент.

– Конечно, они же не присутствовали при нападении!

– Ошибаетесь! – парировала Лиза. – Как я успела понять из слов следователя, они оба утверждают, что стали очевидцами преступления.

– Это наглая ложь! Они появились позже.

– Ну, как видите, у нас сложная задача.

– Я только не совсем понял, собираетесь ли вы помогать мне ее решать? – огрызнулся Ушаков.

– Ну я же пришла сюда, – пожала плечами Дубровская.

– Откуда я знаю, для чего вы сюда пришли? Может, только для того, чтобы помочь следователю распять меня на позорном столбе.

– Не примеривайте на себя чужую роль! Вы не Христос, – заметила Лиза. – Я пришла сюда защищать ваши интересы и буду делать это, – «даже если для этого мне придется собрать всю волю в кулак». Дубровская отступила от главного правила адвоката. Она позволила себе судить и осуждать своего клиента. Она не должна была так делать, даже если он этого заслуживал.

Когда вернулся следователь, адвокат и подозреваемый сидели молча. Каждый из них думал о чем-то своем, и сыщик не заметил, что между этими двумя людьми образовалась связь, которая, как незримая нить, должна была соединить их. Они существовали порознь. Ушаков не высказывал претензий, но и не смотрел на адвоката, когда давал показания.

Допрос прошел довольно спокойно. Сыщик аккуратно записал в протокол рассказ подозреваемого. Он ничуть не удивился, услышав из уст Ушакова новую версию ночного происшествия. Видимо, за недолгий срок работы в Следственном комитете ему доводилось слышать и не такие фантастические истории.

– Если все было, как вы говорите, почему одежда на теле потерпевшей оказалась разорвана? – спросил он под конец.

– А как, по-вашему, я должен был убедиться, что у нее бьется сердце? – с вызовом ответил ему Ушаков.

Дубровская только поморщилась. Не в ее правилах было учить людей лгать, но если ее клиент взялся за это неблагодарное дело, объяснение мог бы придумать получше.

– Ладно. Завтра проведем опознание и выясним, похожи ли вы на ночного грабителя, – вздохнул следователь.

Кажется, ему ответ на этот вопрос был совершенно ясен...

Глава 2

Вернувшись домой, Елизавета убедилась, что трудный день еще весьма далек от своего окончания. С порога она почувствовала запах гари. Дверь ей отворила Лида, нянюшка детей. То, что ее вызвали в дом в выходной день, означало, что Мерцалов не справился с отцовской задачей.

– Боже мой, Лида, что случилось?! – воскликнула Лиза, поспешно скидывая сапоги. Не дав няне возможности ответить, она ринулась в гостиную.

На первый взгляд все было в норме. На диване полулежал муж. Рядом с ним сидела свекровь. Близнецы, как обычно, раскидали игрушки по ковру.

– Явилась наконец! – проговорил Мерцалов. Вид у него был такой, словно он отстоял смену в забое. – Ты могла хотя бы ответить? Я оборвал провода, пытаюсь до тебя дозвониться!

Тут только Лиза вспомнила, что отключила звук телефона во время допроса, а включить его после попросту забыла. Она так торопилась домой, что оставила в кабинете следователя перчатки.

Лиза машинально вытащила телефон из кармана пальто, нажала нужную кнопку. На экране высветилась строка: «У вас пятнадцать пропущенных вызовов». Воображение так и не подсказало ей, что могло произойти в ее отсутствие.

– Ну, я вижу, вы все живы и здоровы, а это главное! – произнесла она излишне оптимистично. Семья отказывалась разделить ее радость. Андрей был насуплен. У него в руках было мокрое полотенце. Должно быть, до прихода жены он лежал с холодным компрессом на лбу. Свекровь смотрела на Лизу как прокурор, дожидаящийся, когда ему дадут слово для обвинительной речи.

– Чем-то пахнет, не разберу, – проговорила Лиза, чувствуя, что гостиная пропиталась запахом гари. Должно быть, помещение пытались проветрить. В гостиной было довольно прохладно, а ближе к потолку, в свете люстры, виднелись сизые полосы – остатки прежней дымовой завесы.

– Надеюсь, у нас не сгорел второй этаж? – неуклюже пошутила Дубровская. Она хотела разрядить обстановку, но вместо этого нарвалась на сердитую отповедь Ольги Сергеевны.

– Это последствия твоего безрассудства!

– Какого безрассудства? – изумилась Лиза. – Последние восемь часов я находилась в городе. Была занята на работе.

– Вот именно! – подтвердила свекровь. – Твоя работа и есть безрассудство.

После тяжелого дня, проведенного в обществе скандального Ушакова, Лиза была готова с ней согласиться.

– Ты уехала в город, оставив детей на мужа, – продолжила свекровь так, словно Дубровская поручила близнецов семилетнему племяннику или же свихнувшейся от старости бабушке. – Понятно, что мужчина не в состоянии уследить сразу за двумя детьми. Пока он разогревал кашу, дети опрокинули напольную вазу. Пока он собирал осколки, попутно проверяя, не порезали ли они себе руки, сгорела каша. Пока он гонял по кухне дым, дети разползлись в разные стороны. Маша забралась под диван и там заснула. Саша умудрился спрятаваться на втором этаже в ванной комнате. Впору было вызывать МЧС. К счастью, вернулась я и присоединилась к поискам. Мы перевернули весь дом, заглядывая во все ниши, отодвигая занавески, мебель. Бедный Андрей боялся, что малышки могли угореть! Повсюду стоял дым, хоть топор вешай! Конечно, мы вынуждены были вызвать Лиду, поскольку остались без сил, изображая из себя спасателей.

Лиза мысленно поздравила себя с тем, что вовремя отключила телефон. Если бы ей позвонили, сообщив, что в доме задымление и куда-то пропали близнецы, она сошла бы с ума,

добираясь с работы по вечерним пробкам. Еще вопрос, сохранила бы она ясность ума, чтобы управлять автомобилем, не сбивая все на своем пути.

Она спросила себя, как же ей удавалось оставаться одной с двумя малышами на руках, не сжигая при этом дом и не теряя под кроватями детей? Должно быть, правду говорят, что мужчины и женщины – представители разных цивилизаций. Впрочем, это наблюдение никоим образом нельзя было отнести к Ольге Сергеевне. Свекровь не была замечена в чрезмерном чадолюбии. Она предпочитала сказать при случае, что свой родительский долг уже отдала, вырастив чудесного сына, и не собирается мешать молодым проявлять себя в воспитании наследников.

– Извините, я не думала, что мое отсутствие приведет к катастрофе, – примиряюще проговорила Дубровская. Она не была готова после схватки с Ушаковым выяснять отношения еще и со своими близкими родственниками. – Я постараюсь впредь оставлять для подстраховки Лиду.

Спокойный тон возымел благотворное действие на супруга. Он больше не хмурился. Более того, Андрей почувствовал угрызения совести, осознавая, что не прошел проверку на выносливость.

– Лиза, пойми меня правильно, я вовсе не монстр! Я не собираюсь ложиться поперек твоего профессионального пути. Если тебе нравится этим заниматься – занимайся, ради бога...

Эта реплика вызвала недовольство свекрови. Она никак не могла взять в толк, чего ради ее сын, еще час назад метавший грома и молнии в адрес жены и ее несчастной работы, проявляет вдруг излишнюю уступчивость.

– ...Но всему есть разумный предел! Я зарабатываю достаточно денег, чтобы не выставить себя на посмешище. Представь только, как смеялись бы мои компаньоны, если бы увидели меня бегущим за детьми по лестнице или же скребущим ножом кастрюльку с подгоревшей кашей!

На взгляд Лизы, в этом не было ничего зазорного. Мужчина, не боящийся остаться с детьми в отсутствие жены, достоин только восхищения. Жаль, что ее муж всегда проводил четкую грань между мужскими делами и женскими. Мерцалов приносил в семью деньги и на этом основании полагал, что все остальные заботы его абсолютно не касаются.

Дубровская сбросила пальто прямо в кресло. От последних новостей ее бросило в жар. Она взяла на руки Машу. Девочка радостно залепетала и принялась крутить пуговицы на пиджаке матери. Саша обхватил мать за ногу и уставился на нее снизу вверх своими синими, как васильки, глазами. Странно было слышать, как взрослый успешный мужчина, отец семейства, всерьез говорит о том, что воспитание детей – удел мам и нянек.

– ...Конечно, при моих доходах, когда я полностью обеспечиваю семью, тебе нет нужды работать, – продолжал он при полном одобрении свекрови. – Но если для тебя это так необходимо, продолжай в том же духе: бегай по судам и тюрьмам. Давай наймем еще одну няню! А что? Они будут работать сутками, и ты сможешь оставаться в городе до позднего вечера.

– Еще чего удумали! – буркнула няня Лида себе под нос. Она поспешила наверх, готовить ванну для вечернего купания малышек. Мерцалов проводил ее взглядом и сказал еще громче, чтобы убегающая нянюшка смогла его услышать:

– Мы можем позволить себе няню, говорящую на английском или каком хочешь языке! Можно нанять дипломированного педагога, логопеда, врача!

– Мне кажется, родители сами должны заниматься воспитанием своих детей, – возразила Лиза. – Нельзя перекладывать это на чужие плечи.

– О, святые слова! – восхитился Мерцалов. – Твои жизненные установки меня всегда радовали, дорогая. Только вот слово у тебя обычно расходится с делом. Ты не находишь?

– Нет. Я не оставляла детей на гувернантку. Я доверила их отцу, – сердито проговорила Дубровская. – Конечно, я должна была понимать, чем это обернется.

– Ты не совести меня, пожалуйста! – начал опять заводиться Мерцалов. – Я не отказываюсь воспитывать детей! Я всего лишь говорю, что некоторые бытовые обязанности должны выполнять женщины: готовить детям еду, стирать пеленки, купать их, переодевать, укачивать на ночь. Остальное готов делать я.

– И что же это остальное? – насмешливо спросила Лиза. – Что ты понимаешь под словом *воспитывать*?

– Не нужно ехидства! – ответил задетый за живое Мерцалов. – Я готов с ними гулять в свободное от работы время, отвечать на их вопросы, содержать их материально.

– Опять у тебя все сводится к деньгам! – заметила Елизавета. – Из нематериального я услышала только про прогулки и разговоры.

За неполных два года жизни детей отец был с ними на прогулке от силы раз пять. Но каждый такой выход обставлялся как особенное событие. Мерцалов долго брился, мылся, одевался, как для выхода в свет. Потом они с женой торжественно гуляли по аллее взад-вперед. Если бы они были звездами и в кустах сидели папарацци, за глянцевые фото в журналах не пришлось бы краснеть: «Отец семейства в заботах о потомстве», «Счастливы вместе». Но деятельная натура Мерцалова просто изнывала от скучной перспективы круг за кругом возить коляску по дорожке. Он не любил тратить время так бестолково, поэтому на всем протяжении прогулки не отнимал от уха мобильник. Он говорил о пуске новой линии по производству лекарств, сетовал на плохую работу отдела снабжения, распекал за что-то юристов. Выпустив пар, он становился мягок и сообщал каждому собеседнику примерно одно и то же: «А я тут на прогулке. Возюсь с детьми, понимаете ли... Да-а, близнецы – это непросто. Но мы справляемся, справляемся». Дубровская, шагая с ним рядом, с трудом подавляла зевоту. За время прогулки она успевала сказать мужу всего несколько слов, с трудом вклиниваясь в недолгую паузу между телефонными звонками.

– ...Честно говоря, я думаю, что отец становится необходим детям лет в пять, не раньше, – продолжал рассуждать Мерцалов. – О чем я могу пока с ними беседовать? Они и говорить-то не умеют. Угу, ага, биби, пипи... Тьфу! Одно мычание. Вот вырастет Саша, я расскажу ему про космос, научу разбираться в моделях машин. Я буду брать его с собой на фабрику. А пока – увы! Я не вижу, к чему приложить свои знания.

– Не можешь приложить знания, так приложи тогда свою любовь! Как ты не понимаешь, что быть со своим ребенком, видеть, как он растет, меняется, произносит первые звуки, а затем первые слова, становится самостоятельнее, умнее, – это и есть родительская работа! Нельзя приходить на готовое. Ждать, что кто-то для тебя подготовит ребенка – нянька с французским языком, логопед, психолог... Боюсь, что когда у тебя появится желание заниматься детьми, ты с удивлением обнаружишь в их поведении черты многих чужих людей.

Дубровская разволновалась настолько, что опять посадила Машу на ковер и встала перед мужем и свекровью, как перед публикой в суде. Но она просчиталась. Это были не присяжные, готовые ловить любое сказанное ей слово.

– Ты, Лиза, говоришь, словно учебник по педагогике цитируешь! – возразила ей свекровь. – Андрей прав, на этом этапе их жизненного пути ты вполне справишься сама. Довольно уже того, что тебе не нужно думать о хлебе насущном, как многим другим. Воспитывай детей, развивай, как хочешь. Придет время, и Андрей еще проявит себя как отец.

– Но вы не можете меня упрекнуть в том, что я не воспитываю детей! – воскликнула Лиза.

– Ты могла бы уделять им больше времени, – назидательно заметила свекровь.

Дубровская замолчала. Бесплезно было метать бисер. Муж и свекровь всегда выступали единым фронтом, и переспорить их не было никакой возможности. Хуже было то, что после подобных разговоров Елизавета начинала чувствовать себя этакой матерью-кукушкой, бросающей детей ради своей прихоти.

– Ванна готова! – раздался сердитый голос сверху. Нянюшка решила положить конец семейным распрям. – Вы уже решили, кто будет мыть детей? Или, может, пригласите для этого профессионального банщика?

Ольга Сергеевна только покачала головой. Ей всегда казалось, что нянька много себе позволяет. Но невестка полностью ей доверяла, а уж после того, как Дубровская защитила в суде дочь Лиды, сняв с нее обвинение в убийстве, уважение к ней женщины переросло в средневековую преданность.

– Я иду! – крикнула Лиза, понимая, что купать детей ей сегодня придется в деловом костюме. Вода остынет, пока она будет возиться в гардеробной. – А ну-ка, поторопитесь, милые! – сказала она Саше и Маше. – Мы идем купаться.

– А игрушки кто будет собирать? – ехидно спросила Ольга Сергеевна. – Нянюшка? Любовь к порядку закладывается с детства! В шестнадцать лет это будет уже не воспитать.

Дубровская растерянно посмотрела на ковер, усеянный игрушками. Понадобится минут десять, чтобы уложить их в ящик. К этому времени вода безнадежно остынет, и ванну придется наполнять снова.

– Складывать игрушки мы начнем завтра, – сказала она, махнув рукой. В самом деле, воспитание любви к порядку вполне могло подождать до следующего дня.

Дети припустили наверх. Ножки их были еще малы, чтобы легко шагать по ступеням, поэтому подъем они преодолевали медленно, кряхтя, как старички. Это было утомительное зрелище, и даже отец семейства забыл на время о своих недавних обидах и претензиях.

– Я помогу тебе, – сказал он Лизе, отдавая матери мокрое полотенце.

Лиду отпустили домой, и молодые родители сами занялись купанием детей. Малышей раздели, посадили в ванну, куда для забавы кинули десяток ярких резиновых игрушек. Дети шумно плескались, поливая друг дружку из лейки, громко лопоча и устраивая в воде домики из пены. Это было веселое зрелище, ни у отца, ни у матери не было охоты спорить о том, чем является купание детей – рутинной родительской работой или развлечением.

– Смотри, какие они милые! – говорил Андрей, помогая сыну прикрепить резиновые фигурки зверей к кафелю над ванной. – Как тебе кажется, их еще не пора купать отдельно? Два года все-таки...

Дубровская пожалала плечами. Она не знала ответа на этот вопрос. Дети тянулись друг к другу, и лишать их удовольствия плескаться вдвоем в одной ванне было жалко. Придет время, и детишки поймут, что отличаются друг от друга не только именами. А пока им не было дела до того, что думают об этом родители. Они весело хохотали, стуча ладошками по воде.

Дубровская, как и многие женщины, когда-то мечтала о девочке. Дочка в ее грезах чем-то напоминала куклу из далекого детства. Она должна была быть белокурой и синеглазой, с ямочками на щеках и густыми щеточками ресниц. Такую куклу Лизиному отцу по случаю привезли когда-то из Германии. У подружек во дворе ничего подобного не было. Игрушечная девочка была одета в шелковое голубое платье с пояском. На ногах у нее красовались белые чулки и атласные туфельки с пряжками. После первой же прогулки во дворе Лиза потеряла туфельку, затем куда-то запропастились ажурные чулки. Сейчас она не могла вспомнить, куда вообще делась немецкая красавица – ее потеряли при переезде, отдали в детский сад или подарили соседской девочке? Но в памяти сохранился тот сказочный образ и детский восторг от обладания таким сокровищем. Маша должна была родиться именно такой.

Мерцалов, как и многие мужчины, мечтал о сыне, лелея в душе надежду на наследника. Внешних предпочтений у него не было, но вот требования к характеру оказались типичными. Сынок не должен был получиться нюней и размазней. Он должен был хватать знания на лету, преуспевать в точных науках, ну и, конечно, быть сильным, ловким и спортивным. Придет время, и он передаст ему долю в своем бизнесе, написав на визитках: «Мерцалов и сын».

Сейчас, когда детям не исполнилось еще двух лет, было рано говорить о том, насколько сбылись мечты родителей, и делиться разочарованиями, но первые впечатления озадачивали. Голубые глаза отца и густые щеточки ресниц вкупе с ямочками достались Саше. Он же оказался мечтательным, спокойным ребенком, не доставляющим родителям хлопот. Маша же была тяжелее брата на восемьсот граммов. Она громко кричала, а иногда и визжала, топая ногами, требуя у брата игрушку, выпрашивая у няни печенье, протестуя против сна днем. Глаза у нее были густого шоколадного оттенка, как у Лизы, на чем внешнее сходство между матерью и дочерью заканчивалось. Кулачки ее были крепкими, а сердце смелым, как у львенка. «Бог знает, что вырастет из этой девочки, – бормотала Ольга Сергеевна, в очередной раз уступая капризам внучки. – В конце концов, если она с таким характером не найдет себе мужа, то в любом случае сможет командовать полком».

Таким образом, природа удовлетворила все запросы родителей, правда, не забыв немного позабавиться, перемешав их предпочтения между собой и выдав потом, не разбираясь, где мальчик, а где девочка...

Мерцалов, взяв в руки мягкую губку и детское мыло, принялся за дело. Он тер Машу так долго и обстоятельно, что девочка принялась верещать.

– Осторожнее, Андрей! – взмолилась Лиза. – Нет нужды чистить ее так, словно она целый день просидела в кочегарке.

– Ничего ты не понимаешь! – возразил супруг. – Дети целый день проводят на полу, лазают под кровати, потеют, пачкаются, писаются. Нужно хотя бы на ночь отмывать их дочиста.

Дубровская вздохнула, поняв, что в свое время Ольга Сергеевна явно перестаралась, прививая сыну любовь к порядку и чистоте. Сама она вовсе не считала себя грязнулей. Она тоже любила уютный дом, чистые полы, цветы в вазах. Но чистота для нее не была самоцелью, тогда как для Андрея это было альфой и омегой существования. Как-то на заре их отношений муж, перечитывая роман Юлиана Семенова, с особым чувством цитировал ей фразу: «На кухне царит хирургическая чистота». «Лиз, ты слышишь, как сказано? Хирургическая чистота!» Дубровская тогда только смеялась, еще не зная, что этот пунктик Мерцалова может стать для нее проблемой. Он не выносил даже малейшего намека на беспорядок и, в зависимости от настроения, по-разному реагировал на это безобразие: иногда нудно ныл, изводя жену придириками и нотациями, иногда впадал в бешенство, грозя отправить ее носки или юбку, не к месту валяющиеся в кресле, в ведро. Вот и сегодня, вместо того чтобы замочить кастрюлю с пригоревшей кашей и наскоро убрать с пола осколки вазы, он принялся мыть, чистить и пылесосить. В результате потерял детей, взбаламутил мать, жену и няньку, лишился сил и настроения...

Наконец дети были вымыты и закутаны в пушистые полотенца. Родители перенесли их в детскую, где малышкой причесали, одели в пижамки и уложили по кроватям. Елизавете не пришлось долго сидеть рядом с ними, дожидаясь, пока они заснут. Обычно она напевала песенки, переиначивая на свой манер известные детские стишки. Но сегодня малыши утомились, похоже, ничуть не меньше отца. Повозившись в кроватках несколько минут, они заснули. Лиза оставила ночник, поправила одеяльца и, неслышно ступая, вышла из комнаты. Начиналось самое любимое ее время суток, которое можно было посвятить только себе. Дела были сделаны, дети уложены. Впереди оставалось как минимум два часа, которые можно было провести, как душе заблагорассудится: посидеть у телевизора, полистать книжку. Лучше, конечно, было бы пообщаться с мужем. Когда-то они находили радость просто в самом факте нахождения рядом друг с другом. Они могли тихо беседовать, пить вино, дурачиться, как дети, могли ничего не делать. Андрей мог смотреть передачу. Лиза, уложив поперек него свои ноги, могла листать журнал. Но они были вместе, рядом, и это обстоятельство придавало каждому вечеру свой смысл и очарование. Дубровская не могла вспомнить момент, с которого все пошло не так. Но сейчас не было смысла закрывать глаза на очевидные факты и, цепляясь за прошлое, выдавать желаемое за действительное: «У нас все по-прежнему. Ничего не изменилось». Они

вдруг превратились в старозаветную пару, оказываясь каждый вечер рядом, но умудряясь при этом быть не вместе. Вот и сейчас, спустившись вниз, в кухню, Дубровская застала мужа возле телевизора. Он пил чай с лимоном и смотрел какой-то документальный фильм. Лиза налила чаю и себе, хотя вовсе не хотела ни пить, ни есть. Но свое пребывание рядом с мужем нужно было оправдать. Поэтому она мешала ложечкой сахар, изредка поглядывая на экран. Мерцалов любил историю и мог говорить об этом часами. Сама же Лиза, имея пятерку в аттестате, на память помнила лишь дату Куликовской битвы. Все остальное ее интересовало выборочно, например, история любви Наполеона и Жозефины, любовные перипетии Екатерины Великой и Григория Потемкина. Но она покорно выслушивала рассуждения Мерцалова о битвах и полководцах, не решаясь ему признаться, что ей нет до них никакого дела. Ей нравилось быть рядом с ним. Остальное не имело значения. Он мог говорить ей о ценах на капусту и о нашествии колорадского жука, о проблемах стран третьего мира и финансовом кризисе. Она слушала его с одинаковым вниманием, но мысли ее текли сами по себе. Она рассматривала его, думая о том, что время щадит мужчин и безжалостно относится к женщинам. Мерцалов сохранил обаяние молодости, разве что линия рта у него стала чуть жестче. Он не нарастил себе пивной живот, казался таким же подвижным, как и в ранней молодости. Ей было бы приятно узнать, что и она в его глазах осталась прежней Лизой, легкой и стремительной, как стрекоза. Но он давно ей об этом не говорил. А она и не спрашивала, боясь поймать на себе недоуменный взгляд и унылое: «Ну вот, опять началось! Интересно, а вы, женщины, можете думать о чем-то еще?»

– Уснули? – спросил Мерцалов, дождавшись рекламной паузы.

– Уснули.

– Тебе тоже, наверное, хочется отдохнуть? Ложись сегодня пораньше.

Чего было больше в этой фразе – заботы или же простого желания сплавить жену в спальню и провести спокойный вечер в компании ящика, – Лиза не поняла.

– У тебя новое дело? – спросил Андрей, отрываясь от рекламы стирального порошка. – Наверное, интересное?

– Да, – ответила Лиза. Обычно она любила рассказывать мужу детективные истории из своей практики. Но сегодня явно был не тот случай. Если Андрей узнает, какой фрукт ей достался в качестве клиента, он наверняка почувствует себя отомщенным. «Я же тебе сотню раз говорил, что...». «Ну теперь, когда ты убедилась в том, что...». Нет, она не доставит ему такой радости.

– Завтра ты, надеюсь, побудешь дома? – спросил он.

– К сожалению, у меня следственное действие, – проговорила Елизавета, испытывая острое чувство вины.

– Что, опять? – переспросил муж. В его голосе явно слышалось недовольство.

– Да. Но послезавтра я буду дома. Мы могли бы...

Но рекламная пауза закончилась, и Мерцалов автоматически перевел глаза на экран.

Глава 3

Опознание проводилось в третьем корпусе городской больницы, куда сразу после покушения была доставлена Екатерина Серебровская. К назначенному времени, к десяти часам утра, у следователя все было готово. Подозреваемого доставили в больницу под конвоем. Два статиста и парочка понятых из числа медперсонала дожидались своего часа в красном уголке. Таковым в отделении по старинке называли небольшой холл с телевизором и фикусом в кадке. Здесь по вечерам собирались больные, коротая время за просмотром сериалов и развлекательных программ. Кате Серебровой не было нужды ходить в холл. Она занимала отдельную палату повышенной комфортности, и в ее распоряжении был телевизор, холодильник и даже отдельный туалет с душевой кабинкой. Все это указывало на то, что у домохозяйки Кати есть заботливый любящий муж. Впрочем, Дубровская это поняла сразу, хотя ей никто не представлял этого высокого импозантного мужчину в наброшенном на плечи белом халате. Он дефилировал по коридору, от палаты жены до холла, где уже собрались отдельные зеваки, и делал одновременно несколько дел. Говорил по телефону, раздавая кому-то приказы и распоряжения, по пути следования останавливал медсестру и выговаривал ей, что сегодня в палате жены никто не убирался и деньги за такой комфорт он платить не будет. Потом кивал головой главному врачу, кидал пару реплик следователю. Он сразу же заметил в холле новое лицо – Елизавету. Привлекательная женщина в костюме и с портфелем явно не была врачом.

– Это адвокат подозреваемого, – пояснил следователь. Он как-то сразу признал первенство мужа и даже не помышлял выдворить его в палату к жене, что было бы в данном случае разумно.

– А-а, адвокат! – кивнул головой супруг и подал Лизе руку. Той не оставалось ничего иного, как просто пожать протянутую ладонь. – Очень приятно. Аркадий Серебровский, – представился он. – Трудная работа у вас, адвокат, – защищать всякое отребье.

Елизавета не нашлась что ответить. Во-первых, у нее не было аргументов, чтобы опровергнуть это безапелляционное высказывание и доказать, что Ушаков на самом деле порядочный и воспитанный человек. Во-вторых, от Серебровского не исходило агрессии. В его тоне Елизавета скорее ощутила понимание и сочувствие. Это было приятнее, чем выслушивать претензии ее бесплатного клиента и видеть его недовольное лицо. Впрочем, через пару минут его ввели в сопровождении трех ребят в форменной одежде.

Зевак из числа больных попросили разойтись по палатам, что они сделали весьма поспешно. Похоже, пациенты, увидев мужчину в наручниках, побоялись, что тот начнет крушить все подряд и, чего доброго, доберется и до них. Но Ушаков вел себя смирно, разве что позволил себе сплюнуть на пол, отделанный плитами из мраморной крошки, за что немедленно получил замечание.

– А вы не устраивайте зоопарк, начальник, – ответил он, мрачно глядя на следователя. – По улице слона водили, так, что ли?

Дубровская удивилась, что закоренелый уголовник знает строчку из басни Крылова. В ее понимании ему было некогда учиться читать.

– Успокойся, Ушаков, – сказал следователь. – Публику убрали, как ты видишь. Оставили лишь понятых и статистов. Ты человек в наших делах грамотный, поэтому знаешь, зачем они нам нужны.

– Знаю, не первый раз, – буркнул Ушаков. – Это, что ли, статисты?

Он указал на двух мужчин, подпирающих подоконник. Следователь утвердительно кивнул. Скорее всего, это были медработники, хотя и без белых халатов. Комплекцией, ростом и возрастом они не особо отличались от Ушакова, а это было основное требование, на котором настаивал закон.

– Одно лицо, а? – хмыкнул подозреваемый. Он, без сомнения, знал этот пункт кодекса. Дубровская уже не раз убеждалась, что ее клиенты с криминальным стажем по части знания процессуального закона могут дать фору любому адвокату.

– Для чистоты эксперимента я попросила бы загримировать моего клиента, – произнесла вдруг Лиза. – Кровоподтек на скуле бросается в глаза.

Это было разумное требование, за что она впервые получила признательный взгляд Ушакова. Следователь же растерялся.

– Вы правы. Только я не умею гримировать, да и не захватил с собой ничего подходящего.

В сумочке у Дубровской нашелся тюбик тонального крема и пудреница с зеркалом. Она немедленно предоставила все это Ушакову. Подозреваемого усадили на стул перед окном и дали ему возможность заретушировать синяк самому. Правда, это давалось ему тяжело. Он долго размазывал тон по скуле, ловя свое отражение в зеркале.

– Прямо как баба, – недовольно бурчал он.

Медицинские сестрички, прятавшиеся за колонной, едва сдерживали смех. Зрелище было достойно того, чтобы запечатлеть его на пленку. Коренастый мужик с трехдневной щетиной сутулился перед крохотным зеркальцем в перламутровой оправе. Наконец он повернулся, чтобы продемонстрировать результат своей работы. Тут уже прыснули все присутствующие.

Вид у него и вправду был забавный. Крем забился в щетину неровными островками, образуя странные наросты, которые вблизи можно было принять за лишай. Ко всему прочему, тон кожи у Ушакова был намного темнее, чем у Елизаветы. Поэтому теперь на месте синяка красовалось белое пятно. Вид Ушакова был настолько комичным, что хохотали все: тоненько хихикали медсестрички, залиvisto вторил им главный врач, смахивал слезы с глаз сам сыщик. Двери палат тихонько открывались. Пациенты хотели знать причину безудержного веселья.

– Ну извини, Ушаков, – с трудом проговорил следователь. – Не держим мы в штате гримера.

Лицо подозреваемого исказилось злобой. Он с удовольствием бы разбил об пол дурацкое зеркальце, хотя умом понимал, что оно тут ни при чем.

– А кроме как ржать, словно кони, начальник, тут хоть кто-нибудь может мне помочь?!

Следователь отчаянно затряс головой. Перспектива гримировать зэка его категорически не устраивала.

– Извини, Ушаков, ничего в этом не понимаю.

Конечно, кроме хозяйки пудреницы, помочь подозреваемому не мог никто. Никто и не хотел. Положа руку на сердце, Елизавету такая возможность тоже пугала. Но, как ни верти, она была адвокатом Ушакова, поэтому чувствовала за него определенную ответственность.

– Давайте-ка я попробую, – сказала она.

Ушаков покорно подставил ей лицо и даже прикрыл глаза, пока она влажной салфеткой убирала излишки крема. Она работала быстро, самыми кончиками пальцев, и ее сильно смущало то, что вся публика затаив дыхание следила за ней и за Ушаковым. Так зрители в цирке смотрят на дрессировщика, запускающего голову в пасть льва – откусит или же в очередной раз помилует? Должно быть, в глазах обывателя зэк представлялся хищником без капли здравого смысла. Когда она закончила, пройдясь для порядка по его щетине пуховкой, присутствующие еле слышно выдохнули.

– Чертовы идиоты, – пробурчал себе под нос Ушаков.

В этот раз результат работы оказался вполне удовлетворительным.

– Красавец! – подытожил сыщик. – Теперь только в кино или на рекламу: «Их ищет милиция».

– Не томи, начальник, – проговорил Ушаков. – Готовь свой спектакль.

По знаку следователя понятые заняли место у окна. Статисты подошли к Ушакову, и тот, еще раз для порядка оглядев их, встал крайним справа, спиной к стене. Дубровской, наблюда-

ющей происходящее со стороны, показалось, что подозреваемый волнуется, хотя по привычке делает вид, что ему все равно. Кулаки его то сжимались, то разжимались. Хотя вполне возможно, что он просто разминал руки, затекшие от наручников.

По команде следователя мужчины надели на головы вязанные черные шапочки. Видимо, потерпевшая, описывая грабителя, указывала на наличие головного убора. Лизе всегда казалось, что черная шапочка на голове, да еще надвинутая на глаза, признак неблагонадежности. Вот и сейчас мужчины стали похожи на трех уличных налетчиков.

Медсестра сбегала в палату за потерпевшей. Серебровская появилась в сопровождении мужа, который заботливо придерживал ее за локоть.

Увидев в холле большое скопление народа и три фигуры, стоящие перед стеной как изваяния, Екатерина замедлила шаг. Вернее сказать, просто вросла в пол, и если бы не Аркадий, который мягко подтолкнул ее вперед и шепнул на ухо что-то ободряющее, не сдвинулась бы с места.

– Потерпи, Катюша, – услышала Дубровская. – Скоро все закончится. Ты только должна показать того, кто напал на тебя в парке.

Следователь наконец вспомнил о своих обязанностях.

– Совершенно верно, Екатерина Андреевна. – Он отделился от толпы, удерживая в руках папку, на которой лежал лист протокола. – Посмотрите внимательно на трех человек, которые стоят перед вами, и скажите, кого из них вы видели раньше. Конечно, имеется в виду, кто напал на вас.

Екатерина смотрела на троицу у стены. Все смотрели на Екатерину.

Дубровская видела Серебровскую впервые и не могла не отметить про себя, как странно смотрится эта грустная немолодая женщина в паре с высоким красавцем мужем. Должно быть, супруги были ровесниками (год-два в ту или иную сторону). Но если Аркадий определенно переживал расцвет своей мужской формы, то Екатерина уже прошла его и вступила в пору увядания. У нее не было ярко выраженных морщин, да и волосы совсем не серебрились сединой. Но в походке, унылой, утомленной позе, а особенно в глазах не было даже искорки живости. Со стороны казалось, что она уже прожила жизнь, все видела на своем веку и от всего устала. Одетая она была соответствующе заведению: фланелевый халат, тапочки и теплые шерстяные носки. В больнице было прохладно. Ее муж на этом фоне казался настоящим щеголем. Штилеты, начищенные до блеска, без капли весенней грязи, белоснежная рубашка в тонкую розовую полоску с запонками в виде бутонов. На нем были серые брюки превосходного качества и джемпер, который хотелось потрогать. Всего этого, на взгляд Лизы, было слишком, чтобы считать Аркадия Серебровского человеком деловым. По виду он мог принадлежать только тусовке. Но так могло показаться лишь тому, кто не знал, что Аркадий Александрович – опытный финансист, кандидат наук. Он возглавлял в банке кредитный отдел, а в свободное от работы время читал лекции. Студентки находили его весьма привлекательным, сотрудницы банка его обожали. Не в пример некоторым представителям своей профессии, он не был нудным педантом, живущим только миром цифр и процентов, он был обходителен с женщинами, учтив с начальством, остроумен с друзьями...

Серебровский приобнял жену за плечи.

– Катюша, ты кого-нибудь узнаешь? – Голос у него был приглушенным и мягким, хотя ноздри, как заметила Лиза, трепетали от гнева. Сам он, без сомнения, узнал человека, которого задержал в парке.

Екатерина, отчаянно цепляясь за мужа, переводила взгляд с одного лица на другое. Мужчины старались не смотреть ей в глаза. Подозреваемый вел себя невозмутимо. Он даже слегка покачивался на месте, стараясь показать, что ему все равно.

– Ну же, Катюша! – нетерпеливо подбодрил Аркадий. – В чем проблема?

У Серебровской сделалось страдальческим лицо.

– Я просто боюсь ошибиться. Не хочу, чтобы у кого-нибудь были из-за меня неприятности.

– Ты не можешь ошибиться, дорогая. Ты ведь рассмотрела его лицо?

– Да, но я наблюдала грабителя в темное время суток. Ты же знаешь, в парке не очень хорошее освещение. Кроме того, я была в шоковом состоянии... Ты можешь меня понять? Это было ужасно.

– Я все понимаю, – заверил ее супруг. – В любом случае ты можешь сказать, что никого не узнала.

– Я не сказала, что никого не узнала. Я просто боюсь ошибиться.

В каком-нибудь другом случае Елизавета Дубровская обязательно указала бы следователю на недопустимость участия мужа в следственном действии. Аркадий вел себя слишком активно, а ведь по делу он являлся свидетелем. Но, наблюдая эту супружескую пару, трогательное участие мужа в проблемах жены, она не хотела вмешиваться. В конце концов, не указывает же Серебровский пальцем на ее подзащитного! А за то, что он поддерживает жену, ободряет ее во время опознания, честь ему и хвала. Елизавета не ручалась за то, что Мерцалов повел бы себя так же, случись беда с ней. Наверняка он принес бы ей мешок конфет, оплатил отдельную палату и растворился в лабиринте больничных коридоров, напоследок сказав, что всегда предупреждал о том, что вечерами нужно сидеть дома.

– Ну-с, Екатерина Андреевна, каков ваш ответ? – выступил вперед сыщик. – Что мы запишем в протоколе?

– Я готова, – сказала женщина, собираясь с духом. – Мне кажется, я видела вот этого человека, – она указала на Ушакова. – Он напал на меня в парке.

– Ты не можешь говорить, что я напал на тебя, дура! – заорал вдруг Ушаков, делая шаг к потерпевшей. – Я спас тебя!

Женщина испуганно отпрянула, и в мгновение ока между ней и подозреваемым выросла представительная фигура Аркадия Серебровского.

– А ну-ка, встань обратно, шваль! – произнес он свистящим шепотом. – Не ровен час, я тебе за жену еще и вторую щеку распишу.

– Все по местам! – рявкнул следователь. Решительное противостояние двух мужчин застало его врасплох. – Конвой, наденьте на Ушакова наручники!

Конвоиры споро закольцевали подозреваемого. Оказавшись в привычной для него позе, Ушаков опять плюнул на пол. Теперь уже с яростью.

– Хвать пачкать пол! – сделал замечание следователь. – А вы, потерпевшая, поясните, по каким приметам вы опознали мужчину под номером три.

Екатерина с мольбой посмотрела на мужа, словно предлагая ему самому ответить на этот вопрос. Общение с Ушаковым вызывало у нее ужас.

– Нет. – Он тихонько мотнул головой. – Ты должна это сделать сама.

Женщина собралась с силами и, стараясь не встречаться взглядом с зэком, тихо произнесла:

– Я узнаю его по лицу и комплекции.

– А что такого примечательного в его лице и комплекции? – не выдержала Дубровская. – Вы можете назвать какие-то особые приметы, по которым вы запомнили грабителя?

Екатерина опять посмотрела на мужа. Тот кивнул головой.

– Все нормально, отвечай. Это его адвокат.

Она пожала плечами.

– Боюсь, я не вспомню ничего особенного. Никаких шрамов и бородавок. Обычное лицо.

– У всех троих обычные лица. Ни у одного из них нет ни шрамов, ни бородавок. Почему вы указали именно на этого человека?

Дубровская спросила себя, искусно ли она замаскировала кровоподтек на скуле. Может, именно он стал подсказкой для потерпевшей?

– Я не знаю, – растерялась Екатерина. – Просто я вижу, что это он.

После того как Ушаков позволил в ее отношении выпад, женщина стала решительнее. Во всяком случае, она уже не твердила, что боится ошибиться, а говорила определенно: *«Я вижу, что это он»*.

– Но ведь в самом начале вы колебались с выбором? Значит, у вас были сомнения? – задавала вопросы адвокат. Она не стремилась уличить женщину в неискренности, тем более что Екатерина была ей симпатична. Дубровская просто делала свою работу. Ей нужно было знать наверняка, виновен ли ее клиент.

– Для меня все это впервые, – пояснила Серебровская. – Первые минуты я даже не видела лиц. Так, белые пятна. Если бы не Аркадий, – она застенчиво взглянула на мужа, тот тихонько сжал ей руку и улыбнулся, – вряд ли от меня было бы много толку. Но я взяла себя в руки. Мой ответ вы слышали.

– Значится, так и запишем. – Следователь положил папку с протоколом на столик дежурной сестры. – «Потерпевшая уверенно опознала мужчину под номером три, записанного в протоколе следственного действия как Ушаков Константин Игоревич 1975 года рождения. Опознала его по лицу, комплекции...»

– Темным глазам, – подсказала Екатерина.

– О! «Темным глазам», – следователь дописал фразу и поставил в конце жирную точку. – Понятые, подойдите, подпишите протокол. Защитник, потерпевшая, никуда не уходим, ставим свои подписи.

После того как протокол был удостоверен подписями, толпа людей в холле стала потихоньку рассасываться. Понятые и статисты ушли первыми. Любопытные медсестрички убежали на процедуры, по пути громко обсуждая необычное зрелище. У столика дежурной остались лишь сыщик, адвокат да супружеская чета Серебровских. Конвоиры и подозреваемый расположились в стороне, у окна. Ушаков был мрачен и бормотал себе под нос проклятия.

– Ступай, дорогая, к себе. Отдохни. Тебе незачем здесь находиться, – сказал Аркадий, поймав на себе злобный взгляд арестанта. Он поцеловал жену в висок, и та, как послушный ребенок, направилась в палату.

Когда Екатерина ушла, Серебровский обратился к Елизавете:

– Прошу прощения за несдержанность. Обычно я куда спокойнее. Но я не мог позволить этому типу после того, что он сделал с моей женой, вести себя подобным образом.

Дубровская не могла сказать ему, что она понимает и полностью разделяет его негодование. Как ни верти, она все еще была адвокатом Ушакова, да и тот сам находился неподалеку.

– Вы не знаете, что моя жена едва не умерла до приезда «Скорой». Врачи едва спасли ее, – продолжил Аркадий, словно ища сочувствия в глазах адвоката.

Он видел, что молодая женщина на всем протяжении следственного действия держалась особняком от подозреваемого, никак не проявляя своего сочувствия к нему. И если она задавала вопросы, то делала это скорее по причине добросовестности, чем из-за симпатии к своему клиенту.

– Вы извините, если мой вопрос покажется вам некорректным, – произнесла Елизавета, пользуясь предоставленным случаем. – Я не совсем уловила, в чем заключалась опасность для жизни вашей жены? Насколько я знаю, на ее теле врачи не обнаружили ран, иных серьезных повреждений. Конечно, за исключением ссадин и синяков. Но от этого не умирают.

– Совершенно верно, – кивнул головой Серебровский. – Но Екатерина с детства страдает астмой. Приступы у нее бывают очень тяжелыми. Обычно она не может обходиться без аэрозоля. Всякий раз, когда она уходит из дома, она непременно берет с собой баллончик с лекарством. Так было и в этот раз, пока негодяй не отнял у нее сумку. – Он бросил выразительный

взгляд на Ушакова. Тот и не подумал отвести глаза в сторону. Он вел себя вызывающе. Воистину, у этого человека не было сердца.

– Стрессовые ситуации у нее неизбежно влекут за собой проблемы с дыханием. Она начинает задыхаться и, не оказавшись под рукой лекарства, все может закончиться плачевно. Теперь вы понимаете, что бы произошло, если бы я вовремя не пришел к ней на выручку. Ведь это случайность, что я вышел ее встречать! Сердце что-то почувствовало. А ведь Катюша была готова отдать этой сволочи сумку со всем содержимым, она просила оставить ей только лекарство!

– Ничего она не просила! – огрызнулся Ушаков. – Я увидел ее, когда она уже была без сознания.

Серебровский сделал над собой усилие, чтобы не отвечать подозреваемому грубостью.

– Теперь вы понимаете, почему я не сдержался и дал этому негодяю по физиономии?

Дубровская была в затруднении. С одной стороны, она сочувствовала мужу потерпевшей, с другой стороны, выражать свои сочувствия при Ушакове было неэтично. Не могла же она понимающе кивнуть головой и сказать что-то вроде: «Понимаю вас. Я удивляюсь, что вы вообще его не изувечили».

Она адресовала Серебровскому понимающий взгляд.

– Начальник, меня долго еще будут тут держать? – нетерпеливо проговорил Ушаков. Ему, должно быть, наскучило наблюдать, как муж потерпевшей любезничает с его адвокатом. – Домой хочу. Баланда стынет.

– Твой дом – тюрьма, – немедленно отозвался Серебровский.

Следователь разрешил конвоирам забрать Ушакова, опасаясь, что перебранка между мужчинами может закончиться дракой. Тот на прощание адресовал всем присутствующим взгляд исподлобья и ушел, не сказав ни слова даже своему адвокату. Но Дубровская и не думала на него обижаться. Без Ушакова она чувствовала себя свободнее. Даже воздух вокруг стал чище.

Следователь согласовал с ней дату очередной встречи и, пожав руку Серебровскому, удалился. У Елизаветы не было причин задерживаться. Она улыбнулась Аркадию, довольная уже тем, что ей не надо оглядываться по сторонам.

– Мне пора. Всего доброго.

Она решила не говорить «до встречи», поскольку предполагала, что эта встреча может быть нежелательна для Серебровских, ведь она действовала в одной связке с Ушаковым. А еще одна встреча с ним стала бы для Екатерины нелегким испытанием.

Однако Серебровский мялся, словно желая, но не решаясь сказать адвокату что-то важное.

– Елизавета... м-м...

– Германовна, – подсказала Дубровская, вспомнив, что следователь познакомил их походя, и ее отчество могло Аркадию не запомниться.

– Да, Елизавета Германовна, – с облегчением проговорил Серебровский, увлекая ее за собой в коридор, подальше от любопытных взглядов больных и медперсонала. – У меня к вам есть маленькое дельце...

Лиза подчинилась ему, стараясь не показывать своего удивления. Между ними по определению не могло быть никаких дел.

– Милая Елизавета Германовна, у меня к вам просьба... Не знаю, как выразить ее, чтобы вы поняли, но попробую. Видите ли, для нас с Катюшей это происшествие стало потрясением. Вы видели мою жену. Она очень впечатлительна и не перенесет, если вдруг Ушаков окажется на свободе. Вы меня понимаете?

– Боюсь, что нет, – ответила Лиза, совершенно не представляя, куда клонит Серебровский. – Я не вижу ни малейших шансов, чтобы мой клиент оказался на свободе. Опознание только закрепило позиции обвинения.

– Ну и слава богу! – вздохнул мужчина с явным облегчением. – Знаете, из прессы нам известна масса случаев, когда человека вдруг выпускают, и он начинает мстить всем вокруг. Нам бы этого не хотелось.

Дубровская пожалала плечами.

– Да, а в чем просьба? – вспомнила вдруг она.

Серебровский опять почувствовал себя неловко. Елизавете было забавно наблюдать, как этот взрослый солидный мужчина тушует, как подросток.

– Вы хотите предложить мне что-то неприличное? – улыбнулась она, подначивая его.

– В каком-то роде, – признался Аркадий. – Видите ли, я понимаю, что значит бесплатный адвокат. Вы трудитесь, защищая негодяя и не получая при этом ни материальной отдачи, ни даже элементарной признательности. Я мог бы оплатить вам работу. Причем достойно.

– Вы собираетесь оплачивать мне работу? – изумилась Дубровская. Она еще не слышала, чтобы потерпевшие оплачивали труд адвоката обвиняемого. Это было лишено всякого смысла.

– Пусть это не покажется вам бесстыдством. Конечно, я хочу получить кое-что сторицей, милая Лиза!

Дубровская смешалась. Это внезапное сокращение дистанции между ними – с официальной манеры общения на что-то интимное, близкое, – взволновало ее. Пять минут назад Серебровский уточнял ее отчество, сейчас он называл ее по имени, причем так, как это делали друзья или близкие.

– Я всего лишь хочу, чтобы этот негодяй остался за решеткой, – сказал он тихо, словно приглашая ее на свидание.

Дубровская почувствовала легкую досаду. Ей стало неловко за свои глупые мысли. Интересно, увидел ли он в полумраке коридора, как вдруг вспыхнуло ее лицо? Ужасно, если он вдруг решит, что он взволновал ее как женщину!

– Останется Ушаков за решеткой или нет, зависит не от меня, – ответила она немного резко, желая реабилитироваться в его и своих собственных глазах.

– Немного это зависит и от вас, – мягко возразил Серебровский. – Ведь вы его адвокат. Я заметил, что вы не привыкли относиться к защите формально.

– И вы предлагаете мне деньги за то, чтобы я не защищала Ушакова? – уточнила Елизавета.

– Именно так. Такой человек недостоин защиты.

– Не вам и не мне решать, кто достоин защиты, а кто нет, – твердо сказала Дубровская.

Серебровский посмотрел на нее с сожалением.

– Вижу, мое предложение не пришлось вам по вкусу.

– Да, и если вы понимаете, я сейчас не набиваю себе цену. Ваша просьба не только аморальна, она еще и противозаконна.

– Господи, чего же аморального в том, чтобы защитить свою жену?! – воскликнул Серебровский. – Я хочу, чтобы ее обидчик получил реальный срок. Без всяких снисхождений и условных осуждений.

– Он получит этот срок и без ваших стараний.

– Значит, вы отказываетесь от денег?

– Да, отказываюсь.

Серебровский сокрушенно покачал головой. Огорчение его было таким искренним, что Лиза почувствовала себя виноватой. В самом деле, разве стоило ей быть такой занудой и читать ему нотации, распекая за аморальность и противозаконность? Свекровь не зря говорила, что ее слова похожи на цитаты из учебника, а муж упрекал в излишней правильности. Конечно, при любом раскладе она не взяла бы у него деньги, но отказать ему можно было мягко и не столь категорично.

– Я восхищен вашими строгими моральными принципами, Елизавета Германовна, – грустно улыбнулся Серебровский. Должно быть, он посчитал, что несколько поторопился называть адвоката по имени. Особа «с такими принципами» запросто могла написать на него какую-нибудь кляузу.

– Если вы хотите, я могла бы заверить вашу жену, что в этом деле для нее не будет никаких неприятных сюрпризов, – предложила вдруг Дубровская, сама не понимая зачем. – Я просто успокою ее.

В самом деле, почему она не может сделать для них такую малость? Кто будет упрекать ее в несоблюдении адвокатской этики? Самому Ушакову, видимо, без разницы, есть у него адвокат или нет. Он не утруждает себя даже тем, чтобы просто поздороваться с ней.

– Это было бы очень мило с вашей стороны, – рассеянно ответил Аркадий, сверяя время. Часы на его руке, как заметила Дубровская, были дорогими, из розового золота, в прозрачном корпусе, который позволял насквозь видеть, как крутятся все колесики и шестеренки. – Я покажу вам, где ее палата.

Они прошли по коридору почти до самого конца. Палата Серебровской находилась прямо напротив ординаторской. Мужчина осторожно постучал и, сделав паузу вежливости, отворил дверь.

Екатерина лежала на кровати, глядя в потолок.

– Ты бы поспала, дружок, – сказал Аркадий, подходя к ней и целуя в висок.

Но она поднялась на локте, с некоторым опасением глядя на Дубровскую.

– Не бойся, это адвокат. Она пришла сказать тебе несколько слов, – пояснил Серебровский, беря жену за руку. – Ты немножко поговоришь с ней, а потом заснешь. Ты обещаешь мне это?

– Обещаю, – проговорила Екатерина. Их общение напоминало отношения заботливого отца и дочери. Хотя внешне Серебровская больше походила на его старшую сестру, чем на супругу.

– Вы ее сильно не утомляйте, Елизавета Германовна, – попросил Аркадий. – Катя еще слишком слаба. А мне нужно бежать. Если так пойдет дальше, я запросто могу лишиться работы. В банке не приветствуют долгие отлучки.

Он улыбнулся женщинам. Конечно, он слегка кокетничал. В банке Аркадий был на хорошем счету, и увольнять ценного сотрудника только за то, что он навестил жену в больницу, никто бы не стал.

Когда его шаги затихли в глубине коридора, Дубровская улыбнулась.

– У вас заботливый муж. Честно говоря, я вам завидую.

– Так все говорят, – бесцветно согласилась Екатерина, словно у нее на этот счет было свое мнение.

Лиза мысленно отругала себя. Кто ее дернул за язык обещать что-то Серебровскому? О чем она будет говорить с его женой?

– Вы присаживайтесь, – предложила ей Катя, указывая на стул.

Елизавета села, поставив портфель рядом с собой. Теперь она походила на доктора, приглашенного на вызов к больному. Ее удивило, что рядом с Катей на прикроватной тумбочке не было ни одной книги, ни единого журнала. Когда Лиза сама лежала в больнице, она только и делала, что читала. Чем еще можно убить скуку и однообразие больничной жизни? Но в большой светлой палате с жалюзи на окнах было чисто и пусто. Телевизор молчал, не докучал своим тархтением холодильник. В углу на полу стояла ваза с огромным роскошным букетом. Из-за своей невероятной величины он мог стоять лишь там, прислоненный к стене. В противном случае ваза бы опрокинулась на пол.

– Я не люблю огромные букеты. Но Аркадий их всегда покупает, – сказала Катя, заметив взгляд посетительницы.

– Должно быть, очень сильно вас любит.

– Ему очень важно, что о нем подумают. Вдруг молоденькая продавщица в цветочном магазине решит, что у него нет денег на самые лучшие цветы?

Дубровская еще раз удивилась, хотя внешне никак свои чувства не выдала. Ей показалось, что Екатерина слишком холодно принимала заботу мужа. Она относилась к этому как к чему-то само собой разумеющемуся. «Я не люблю огромные букеты». Да многие тысячи женщин, получающих раз в году чахлую веточку мимозы на Восьмое марта, назвали бы ее неблагодарной дурой!

– Аркадий сказал, что вы мне хотите что-то сообщить, – напомнила адвокату Екатерина.

– Ах да, – спохватилась Лиза, не имея никакого представления, о чем ей нужно говорить с впечатлительной женой Серебровского. – Ваш муж сказал мне о ваших опасениях. Вы беспокоитесь, что подозреваемый выйдет на свободу. Мне хотелось бы вас успокоить: следствие не собирается менять Ушакову меру пресечения. Для этого сейчас нет никаких оснований.

– А если они появятся, эти основания? – спросила Екатерина. Она глядела на адвоката полными ужаса глазами, и Дубровская мысленно согласилась с ее мужем. Серебровская тяжело переживала случившееся. Она была буквально парализована страхом.

– Мне трудно сейчас представить, что такие основания могут появиться. Вы опознали Ушакова. В деле есть показания вашего мужа, свидетеля. Они взяли его на месте преступления. Похоже, что вина моего клиента здесь очевидна.

– Вы не будете требовать его освобождения?

Дубровская усмехнулась. Бедная взрослая женщина (несмотря на внешность, ее почему-то хотелось назвать девочкой) верит во всемогущество адвокатов.

– Я могу требовать что угодно, – честно сказала она, – в том числе и его освобождения. Суд сочтет требования необоснованными и оставит моего клиента под стражей. Вы можете спать спокойно. И, в конце концов, почему вы решили, что Ушаков будет вам мстить?

– Потому что я знаю, что должна умереть.

Сначала Дубровской показалось, что она ослышалась, потом она спросила себя, а не является ли жена Серебровского психически нездоровой. Может, этим и объяснялась его трогательное отношение к ней, как к ребенку?

– Вы не поверите, смерть идет за мной по пятам, – проговорила Екатерина. – То, что произошло, – это только отсрочка. Она настигнет меня опять.

– Не думайте так, – сказала сбитая с толку Дубровская. – Это всего лишь случай. Охотно верю, что он стал для вас шоком. Но вам нет нужды прощаться с жизнью. Шанс, что подобное повторится, у вас не больше, чем у любого другого человека. К сожалению, в мире существует преступность. Но люди продолжают жить и радоваться жизни. Я просто уверена, что у вас все будет хорошо. То, что вы сейчас переживаете, врачи называют посттравматическим шоком. Но он пройдет, и вы снова почувствуете себя в безопасности.

– Вы не понимаете меня, – вздохнула Катя, отворачиваясь к стене. – Вы, так же как мой психотерапевт, твердите мне о том, что все будет хорошо. Но она ошиблась. В тот же вечер на меня напали и пытались убить. Вот увидите, ошибетесь и вы.

– Вы знаете, мне кажется, вам нужно отдохнуть, – сказала Лиза, вставая со стула. – Я слишком утомила вас своим присутствием и ничуть не утешила.

Возможно, она была лишена дара убеждения, а может, Екатерине нужен был специалист. Как она сказала? Психотерапевт? Интересная деталь: женщина обращалась к врачу еще до нападения. Неужели у нее настолько развит дар предвидения?

Но Дубровская не собиралась разгадывать ребусы. Она защищала интересы Ушакова, и на помощь потерпевшей у нее не было полномочий. Ко всему прочему, Катя была не одинока. Рядом ней находился супруг, готовый порвать на части любого, кто посмеет причинить вред его избраннице. В этом сегодня смогли убедиться все участники опознания.

– До свидания, – сказала Лиза негромко. – Выздоровливайте.

Катя лежала спиной к Дубровской и никак не прореагировала на слова адвоката. Елизавета решила, что женщина просто уснула, и на цыпочках тихонько вышла из палаты...

Глава 4

Шаги адвоката затихли в глубине коридора, а Катя лежала и продолжала рассматривать тонкую трещину на стене. «У вас замечательный муж. Он вас так любит», – продолжали звучать в ушах слова малознакомой женщины. Веки ее сомкнулись, а может, просто время, отмотав километры прожитых лет, вернуло ее назад, в то лето, когда она познакомилась с Аркадием...

В коридорах государственного университета летом гуляли сквозняки и пахло краской. Девчонки с филологического, все как одна одетые в синие спецовки, дружно обсуждали новости.

– Говорят, в нашем стройотряде ожидается пополнение, – вытаращив глаза, тараторила рыжая Танька. – Сама слышала. Пять человек. Один юрист, один экономист и три спортсмена. Готовьтесь, девочки! Среди них есть парни.

– Ну и что с того? – удивилась Катюша Смольникова, приятная девушка с длинной русой косой ниже пояса.

– Как что?! – возмутилась Танька. – Они парни, ну а мы девушки. Пять на пять – по моему, заманчивой вариант.

– А по-моему, ты уже свихнулась от желания найти себе мужа, – насмешливо сказала Катюша, делая вид, что ее эта проблема абсолютно не касается.

Конечно, она понимала, почему так возбуждены девчонки, почему они сегодня необычайно смешливы и задиристы. Четыре года, проведенные на филологическом факультете, кого угодно превратят в охотницу. Восемьдесят девочек и всего один парень – совсем безнадежный расклад, если учесть, что будущий филолог в качестве мужа или кавалера не рассматривался ни одной из восьмидесяти потенциальных невест. Его звали Фанис, и его взяли на факультет из какой-то богом забытой деревни и только для того, чтобы чуть-чуть разбавить женское царство. Он усердно корпел над трудами великих педагогов, а на выходные уезжал домой, помочь по хозяйству. Четыре года прошли в трудах и заботах, и только двум девочкам удалось подцепить себе мужей. Оставался пятый курс, государственные экзамены и после вручения диплома – распределение, чудовищная процедура, когда комиссия, состоящая из добродушных тетенок с шиньонами, за пять минут решала судьбу вчерашних студентов. «Вы хотите поехать в Мишкино? Нет? Интересно почему? Милая, но вы же знаете, что на селе нужны педагоги. Государство тратило на вас средства. Нужно иметь совесть и окупить заботу добросовестным трудом».

Никто не хотел ехать ни в село, ни в маленькие городки заводской зоны. Всем хотелось остаться в крупном центре, к которому за пять лет учебы успели привыкнуть. Они стали горожанками, научились делать маникюр, ходить на каблуках и одеваться совсем как местные. Теперь же их рассылали обратно по местам, где нет приличных дорог, дискотек, модных магазинов. Уйти от распределения можно было в двух случаях: по благу и благодаря замужеству. На благу могли рассчитывать единицы. Самым демократичным считался, конечно, второй вариант – законный брак. Но где найти себе мужа? Лето перед пятым курсом оставалось последним рубежом надежды, и юные охотницы на мужчин тешили себя надеждой. Но, словно назло, студенческий отряд, формируемый на базе университета, в этом году работал в родных стенах, ремонтируя студенческие аудитории, и ждать притока мужчин было неоткуда. Новость, подслушанная Танечкой, казалась чудом. Целых пять парней на бригаду из пяти девочек!

– Чур, я беру себе юриста! – трещала Танька. – Они все серьезные, деловые. Давайте, девочки, договоримся на берегу. Я первая об этом узнала, мне и выбирать.

– Хитрюга ты, Танька! – говорила Ирочка, стриженная брюнетка. – Знаю, почему ты выбрала себе юриста. У них шансов остаться в городе больше. Кому в деревне нужен юрист?

– Тогда выбирай спортсмена. От них в деревне толку точно нет.

– Все спортсмены тупые. О чем я с ним буду говорить?

– Спортсмены, между прочим, ездят по заграницам. Какая разница, о чем с ним говорить, если вокруг Париж? К тому же ты учительница, помучаешься с ним пару лет, научишь читать, и дело в шляпе!

– По заграницам хорошие спортсмены ездят, все другие в средних школах и спортивных клубах сидят и границу только по телику видят.

– Ох и дуры вы, девочки! – недоумевала Катюша. – Делите шкуры еще не окольцованных парней! Вы что, считаете, что ваше желание тут хоть что-нибудь значит? Да у них, может быть, уже есть свои подружки!

– Ну коли ты из нас самая умная, отдадим тебе экономиста, – фыркнула Таня, заговорщицки подмигнув подругам.

– Почему экономиста? – еще больше удивилась Катя.

– Потому что он наверняка окажется женщиной! – прыснули от смеха девчонки. – Какой нормальный мужик будет бухгалтерией заниматься?

На следующий день изнывающие от нетерпения девчонки собрались возле кабинета заведующего хозяйственной частью.

– Чего это вы так вырядились? – округлил глаза прораб Потапыч. Он каждый день распределял девочек по местам, обеспечивал их инструментом и принимал работу. Ему было уже тридцать семь, и в глазах двадцатилетних студенток он был стариком.

– Для нас работа – всегда праздник, – произнесла Танечка театрально, глаза же ее искрились от смеха.

– Ваше дело, – буркнул Потапыч. – Измажетесь – не моя забота.

Девчонки оставили перепачканные спецовки в бытовке. Вместо этого они облачились в джинсы и футболки. Свежевымытые волосы были уложены тоже по-особому. Косынка красовалась лишь на голове Смоляковой Кати.

Когда к кабинету подошли три девочки в спортивных трико, никто не обратил на них внимания.

– Мы новенькие, – сообщили они.

– Со спортфака? – спросил Потапыч, сверяясь с записями в ветхом блокноте.

– Да, оттуда, – подтвердили они.

Тут настал черед смеяться Кате. Подруги выглядели сконфуженно.

– Вы что, и вправду спортсменки? – недоверчиво осведомилась Танечка.

– Да, мы бегуны.

– Лучше бы уж вы бегали в другом месте, – тихонько пробурчала Ира.

– Сейчас подождем еще двух человек и двинемся на объект, – пообещал Потапыч. Девчонки готовы были ждать, особенно Татьяна. Она сгорала от нетерпения увидеть юриста.

Светлана появилась эффектно, волоча за собой шлейф дорогих ароматов. Высокая, гибкая, как пантера, она заворожила девчат кошачьей грацией. Ко всему прочему у нее были зеленые глаза, чуть приподнятые к вискам, и шелковые рыжие волосы.

– Привет, я с юридического, – сказала она небрежно.

– Вот так фифа! – обалдело произнес Потапыч. Он явно не рассчитывал получить в ряды штукатуров-маляров такую жар-птицу.

Девушка обожгла его хищным взглядом, и прораб сразу сник. Он покорно ответил на все вопросы, которыми засыпала его будущий юрист. Она казалась очень уверенной в себе, даже наглой. Филологи возненавидели ее с первого взгляда. Особенно отчаянно это переживала Таня, у которой разом исчезло радостное возбуждение, будто кто-то взял и выключил источник питания.

– Ну где же носит бухгалтера? – прошипела она. – Спорим, ею окажется толстая корова, которую не выдержит ни одна стремянка?

Когда в коридоре появился стройный молодой человек в клетчатой рубашке и джинсах, девчонки привычно ждали, что он пройдет мимо. Парень был удивительно хорош собой. Волнистые волосы косой модной челкой спадали на высокий лоб. Большие темные глаза отражали восхищенные взгляды девчонок. Держался он очень свободно. Было видно, что он уже привык к всеобщему обожанию. Ко всему прочему, он обладал редким даром в любой одежде выглядеть элегантно. Простая рубашка и джинсы сидели на нем как на американском ковбое с рекламного плаката.

– Привет, красавицы! – сказал он, ослепляя своей белозубой улыбкой. – Все вы ждали меня.

Девчонки готовы были с ним согласиться – все, кроме Кати.

– Так это ты... бухгалтер? – произнесла Таня, чувствуя, что это слово в ее устах звучит как оскорбление.

– Не совсем так, – мягко улыбнулся парень. – Я будущий финансист.

Финансист! В то время это звучало непривычно. В начале девяностых годов на предприятиях сидели только бухгалтеры, тетки со счетами и кипой бумаг.

– Мне нет дела, финансист ты или бухгалтер, – пробурчал Потапыч. – На работу попрошу являться вовремя. Сейчас все новенькие отправятся за мной и получают спецодежду и талоны на питание.

Пока утрясали формальности, у филологов было время поговорить. Конечно, девчонки были разочарованы. Из пяти обещанных парней четверо оказались девушками. Будущие педагоги легко променяли бы одного красавца Аркадия на пять вполне себе посредственных парней. Было ясно, что составить пару финансисту ни у одной из девочек нет никаких шансов.

– Хоть мы его вчера и отдали Катюхе, боюсь, он ей не по зубам, – признала Татьяна.

– Может, повезет рыжей? – дернула плечом Ира. – Она похожа на человека, который берет от жизни все.

Но правда, конечно, была не в этом. Только рыжая Светлана уместно смотрелась рядом с Аркадием. Все остальные в подметки не годились сладкой парочке. Не переживала лишь одна Катюша. Она не ждала принца, поэтому появление финансиста восприняла спокойно. Конечно, отметила, что мальчик красив, но у него, должно быть, на каждом курсе была своя группа поддержки. Не то чтобы она боялась попасть в массовку. Просто трезво оценивала свои возможности.

Потекли трудовые будни. Несмотря на то что надежды девушек найти себе парней прямо на работе растаяли, как весенний снег на солнце, присутствие в их рядах Аркадия действовало на них благотворно. Во всяком случае, они не переругались между собой, учитывая, что спортсменки держались особняком от филологов, а рыжая Светлана вообще вела себя как королева. Она часто опаздывала, откровенно халтурила на работе, а уходила раньше всех. За ней, как правило, заезжал кавалер. Средних лет мужчина, респектабельный и на вид благородный, держал на пальце ключи от автомобиля. Он покорно ждал, пока его нимфа наведет маршфет, оденется, как на подиум, причешет рыжие космы. Светлану явно не ждала перспектива оказаться в деревне, поэтому она могла спокойно относиться к присутствию рядом Аркадия. Но неизвестно по какой причине, они почти сразу сделались заклятыми врагами. Она на каждом шагу язвила, доводя его порой до белого каления. Он не пропускал ни единой ее колкости и говорил ей то, что она наверняка не услышала бы ни от какого другого мужчины на свете. Оба они были самовлюбленными гордецами.

Положение осложнилось тем, что Аркадия как единственного мужчину избрали бригадиром, и теперь он по праву мог читать девчонкам нотации.

– Кольванова, ты вчера ушла на сорок минут раньше, – выговаривал он Светлане. – Девчонки вынуждены были переделывать за тебя работу. Где ты видела, чтобы так штукатурили стены?

– Я в университет поступила не за тем, чтобы штукатурить стены, – нагло отвечала она. – Я собираюсь стать известным адвокатом. Так что при любом раскладе работать руками мне не придется. Ум, память и воображение – вот мои инструменты. Шпатель и кисти – удел неудачников.

– Пока, как я вижу, ты научилась только трепаться, – огрызнулся он. Рыжая оторва подрывала его авторитет, и это Аркадию категорически не нравилось.

– Язык – оружие юриста, – смеялась ему в лицо Кольванова.

Девчонки научились не обращать внимания на пикировки их бригадира и лентяйки-юриста, хотя это вносило в их долгие трудовые будни некоторое разнообразие. Филологи относились к Аркадию очень трепетно, воспринимая все его распоряжения как немедленное руководство к действию. Светка, прилюдно распинающая их кумира, вызывала только раздражение, переходящее в ненависть. Но связываться с Кольвановой было себе дороже.

Удивительно, но Светлана, презирующая всех представительниц своего пола, сблизилась с Катюшей Смоляковой.

– Похоже, у одной тебя есть голова на плечах, – говорила ей Кольванова. – Все эти курицы готовы поклоняться мужским штанам, даже если их носит кретин.

Последнее замечание относилось, конечно же, к Аркадию и четверем дурам – филологиням. Смолякова в ответ только смеялась. Конечно, она немного завидовала Светкиному успеху у мужчин, но у нее хватало гордости и благоразумия этого не показывать. Ей не хотелось походить на своих подружек, озабоченных поисками мужа.

Стройотряду полагались талоны на питание, и студенты могли посещать столовую в завтрак, обед и ужин. Там прилично кормили, предоставляя на выбор первое, второе и компот. И у девчонок появлялось время поболтать, посплетничать, обсудить последние новости. Обычно Света и Катя сидели вместе, посмеиваясь над филологинями и спортсменками, каждый раз затевающими между собой соревнование за право сидеть за одним столом с Аркадием.

– Вот идиотки! – потешалась над ними Кольванова. – Неужели они не понимают, что им все равно ничего не добиться?

Смолякова тоже смеялась вместе с ней. Вот она понимала, что ей ни за что на свете не удастся обратить на себя внимание Аркадия. Стало быть, не надо тешить себя глупыми иллюзиями. Куда как проще держаться в стороне и только смеяться, наблюдая вокруг него куриный переполох.

Светка рассказала ей о себе, и это сблизило девушек еще больше. Выросла она в простой семье, не без недостатка, но ее детство кончилось в четырнадцать лет, когда в их дом ворвалась растрепанная женщина в дорогом пальто. Она кричала проклятия, а Светкина мать, вжавшись в угол вместе с перепуганной дочерью, не смела ей возразить. Выяснилось, что Светкин любимый папа на самом деле принадлежит не только ей и ее матери, но еще трем детям и этой странной тетке. Четырнадцать лет он жил на два дома, переезжая то туда, то сюда и ссылаясь на многочисленные командировки и деловые поездки. Он был успешным снабженцем, за что его ценили на работе. Но снабжение было для него не только работой, но и призванием. Он исправно снабжал свои семьи. Его дети ни в чем не знали нужды – ни в дефицитных колготках, ни в папиных поцелуях. Когда открылась правда, Светка страшно переживала, но больше за маму. Ей казалось, что та не переживет отцовского вероломства. Однако в порыве откровенности мама призналась, что много лет назад осознанно сделала выбор, связав свою судьбу с женатым мужчиной. «Такова жизнь, дочка, – говорила она, глядя Светочку по голове. – Мужчин меньше, и нужно как-то приспособливаться, чтобы не остаться с носом». Для дочери это было потрясением номер два, после чего девочка, промаявшись в думах недели две, навсегда лишилась девичьих иллюзий. Она поняла, что жизнь жестока и устанавливает свои правила игры. Ведет в ней всегда мужчина, а задача женщины, физически слабой, но более хитрой и изворотливой, найти себе достойную опору.

Для Кати, воспитанной в полной семье матерью и отцом, такие откровения были в диковинку. Ее родители проживали в маленьком заводском городке и по мере сил прививали ей традиционные ценности: брак по любви, детишки, забота друг о друге, счастливая старость среди дюжины внуков. Такие перспективы казались ей обыденными и скучными. Свои представления о любви Катя почерпнула из книг. Не случайно в качестве профессии она выбрала язык и литературу. В девятом классе она перечитала Мопассана. Ее воображение будоражили пикантные подробности любовных отношений, но свою любовь она представляла чистой и светлой. Образ избранника не имел очертаний. Воображение отказывалось ей в этом помочь. Катюша знала лишь, что он будет честным, благородным, красивым... Словом, таких она не встречала и в последнее время гнала от себя мысль о том, что таких парней просто нет.

Дружба Кати и Светы могла показаться странной, ведь девушки разнились между собой, как день и ночь. Красавица и серая мышка, охотница за мужчинами и неисправимая идеалистка – противоположности, свести которые вместе мог только случай, а удержать – только судьба. Но, так или иначе, они тянулись друг к другу. Быть может, каждая из них видела в подруге то, чего не хватало ей самой. Кате – уверенности в себе и яркости, Свете – чистоты и детской веры в принцев и в чудеса.

Светка всегда была модно одета, и Катя слишком скоро поняла, что все ее тонкие каблучки, плащики, лаковые сумочки куплены не на средства матери и отца и уж совершенно точно не заработаны своим трудом. Свету одевали, водили в рестораны и возили на море состоятельные кавалеры. Но, несмотря на это, назвать ее вертихвосткой и шлюшкой ни у кого не поворачивался язык. Светка свою игру вела умело. У нее хватало рассудка и такта для того, чтобы не встречаться с двумя мужчинами одновременно. Новый роман у нее начинался только тогда, когда заканчивался старый. Она умудрялась строить отношения таким образом, что кавалер, получивший отставку, перемещался в круг ее друзей. Он не роптал, не горел жаждой мести, вместо этого он привычно оказывал красавице поддержку и покровительство.

Катюша со смехом отказывалась от предложений новой подруги свести ее с кем-нибудь из своих «бывших». В душе она чувствовала легкую обиду на то, что ей предлагали попользоваться тем, кого по тем или иным причинам оставили, бросили, кем пренебрегли. Хотя в душе она понимала, что Светка это делает не со зла, а желая помочь. Тем более что и «брошенный» кавалер в глазах большинства ее подружек по университету был бы сокровищем...

В одну из июльских суббот вся бригада маляров-штукатуров выбралась на природу. Стоял чудесный день, и ребята решили рвануть за город с палаткой, гитарой и шашлыком. На девять девчонок приходилось трое мужчин, но это было уже привычно. Здесь был Аркадий, еще один парень, которого совсем недавно подцепила Ирочка. Был и Потапыч. В последнее время прораб усиленно клеил Танюшу, и она, кажется, ничего не имела против. Подругам она говорила, что завхоз еще совсем не стар, разведен, к тому же работает в университете и имеет отдельное жилье. На безрыбье, как известно, даже тридцатисемилетний прораб становится золотым судаком, и все отнеслись к этому роману с пониманием.

К удивлению многих, общество почтила своим присутствием даже Светка, которая обычно только морщила нос от любого предложения собраться вместе. Только Катя, посвященная в ее жизнь, знала, что подруга переживает разрыв, который, по обыкновению, произошел по ее инициативе. Кавалер оказался женат, хотя на протяжении двух месяцев усердно пудрил девушке мозги планами на совместную жизнь. Когда обман вскрылся, мужчина повинился и предложил красавице место любовницы и съемную квартиру в центре. Светка, конечно, отказалась, кавалера разжаловала, но предложение помочь ей при устройстве в адвокатуру все же приняла.

Выходные прошли весело. Вечером в субботу, установив палатки, все расселись вокруг костра. Тут и пригодилась гитара. Бренчать на струнах умели многие, но настоящий талант оказался только у Кати. Природа наградила ее красивым тембром, и ребята затаив дыхание

выслушали в ее исполнении несколько романсов и даже балладу, которую девушка сама переложила на музыку. Катя не могла себе представить, а скажи ей это кто-нибудь, удивилась бы, что в отблесках костра, с гитарой в руках, она казалась почти красивой. Ее пальцы теребили струны. Чистое лицо и мягкий взгляд, обращенный куда-то внутрь себя, казались печальными. Но вдруг, стряхнув длинной челкой грусть, она исполнила несколько зажигательных мелодий, а потом они все вместе проорали еще десяток песен.

– Слушай, а ты классно играешь, – сказал ей Аркадий, когда она ушла к речке полоскаться в воде кружки. Он подошел неслышно и тихонько сел рядом.

Катя не ожидала его увидеть и даже вздрогнула, почувствовав рядом с собой мужское присутствие.

– А, ерунда! – нарочито небрежно отмахнулась она.

– И вовсе не ерунда, – убежденно проговорил Аркадий. – Ты просто не представляешь, как ты талантлива. Если бы ты захотела, то вполне могла бы выступать на сцене, собирая целые залы.

Катя едва не рассмеялась. *Она могла бы собирать целые залы!* С ее курносый носом, полными ногами и простоватым лицом. Выступать на сцене – удел ярких и нахальных, таких как Светка.

– Я никогда об этом не думала, – честно сказала она Аркадию. – У меня совсем другие мечты.

– Какие же? – с интересом спросил он, чем смутил ее окончательно.

Катюше стало неловко от того, что этот признанный красавец, кумир всех девушек университета, сидит сейчас с ней рядом, на корточках, говорит комплименты и разглядывает ее так, словно они встретились впервые. Но еще больше ее смутило то, что она обмолвилась ему о своей мечте.

– Ну так о чем ты мечтаешь? – спросил он еще раз, показывая, что ему не все равно. Аркадий и не подозревал, сколь амбициозные планы скрываются в русоволосой голове юной барышни.

– Я мечтаю написать книгу, – проговорила Катя, устремляя на него взгляд своих голубых глаз. – Великую книгу. Что-то вроде «Анны Карениной» или «Госпожи Бовари». Глупо, да?

– Нет, – ответил Аркадий, глядя на нее как-то по-особенному. – Это великая мечта. Ты совсем не похожа на других девушек.

Катя озадачилась, воспринимать это как комплимент или... Быть может, он счел ее примитивной мечтательницей? Но он смотрел на нее серьезно, и в его красивых глазах не было даже искорки смеха.

– Девушка должна мечтать найти себе мужа, свить гнездо и родить детей, – сказала она, пожав плечами. – Мне все это тоже нравится, но почему-то этого мало. Должно быть, я сейчас кажусь ненормальной.

– Как раз наоборот! – горячо возразил Аркадий. – Мне тоже не хочется довольствоваться малым. Пусть я не мечтаю, как ты, написать книгу, но я не хочу всю свою жизнь, лысея и сутулясь, сидеть за бухгалтерскими отчетами. Мне нужен масштаб! Ты понимаешь? Я тоже хочу схватить птицу удачи двумя руками!

– Да, – выдохнула Катя. Она и не представляла раньше, как они могут быть похожи. Ей хотелось сидеть с ним возле реки до полуночи, наблюдая, как прячется за лесом раскаленный шар солнца, как темнеют, сливаясь с черным небом, багряные полосы. Впервые в своей жизни она поведала кому-то о своей мечте, и этот человек не рассмеялся ей в лицо. Он сказал, что у него тоже есть сокровенные мысли и, будь у него возможность, он непременно отправился бы в Штаты, где устроился бы на биржу. Его мечта пахла деньгами, но от этого она не казалась Кате приземленной. Аркадия тогда привлекало не столько богатство, сколько авантурный мир Уолл-стрит.

– Эй вы, двое! – раздался вдруг громкий окрик Светки. – Мы вас потеряли. О чем это вы тут секретничаете?

– Мы отмываем чашки, – отозвался Аркадий и заговорщицки подмигнул Кате, словно заключая с ней молчаливое соглашение.

– Что-то вы долго моете, – подозрительно заметила Светка.

– Не твое дело. Радуйся, что тебе не придется портить свой маникюр...

Между ними завязалась обычная перепалка, а на душе у Кати было радостно и спокойно. Она понимала, что этим вечером, у реки, между ней и Аркадием завязалось что-то особенное. Она кляла себя за самонадеянность, но ничего поделать с собой не могла. Сердце отказывалось подчиниться рассудку. Она твердила себе, что для Аркадия это был обычный разговор, о котором он завтра и не вспомнит. Но каково было ее изумление, когда они встретились возле речки вновь. Она терла песочком посуду, он ополаскивал чашки и ставил их рядом на траву. Они провели за этим занятием полтора часа, чем вызвали у ребят насмешки и подозрения. Они отнекивались, как два заговорщика. Катя боялась, что ее лицо выглядит блаженным и глупым.

– Посмотри на себя! У тебя лицо томатного цвета, – упрекнула ее Светка. – Чего он тебе там наговорил?

– Ничего особенного. Мы просто разговаривали о жизни. Он рассказал мне о том, чем занимаются его родители, где учится брат. Ты знаешь, он ведь из семьи военных и успел объездить всю страну. В Грузии живет друг его отца, и когда Аркадий был маленький, мужчины сговорились женить его на младшей дочери грузина. В их родословной даже были князья. Но их матери расстроили помолвку, заявив, что не позволят заниматься средневековьем.

– Ну и зачем ты мне это рассказываешь? – подозрительно спросила Света. – Мне нет разницы, чем занимаются его предки. Ты что, вознамерилась занять место грузинской принцессы?

– Ты что? – отмахнулась Катя и покраснела еще сильнее. – Мы просто разговаривали.

– Смотри мне... *Разговаривали*, – передразнила ее Светка. – У него репутация Казановы. Неужели ты хочешь стать его попыткой номер сто двадцать пять?

Катюша не хотела, и настроение у нее испортилось. Остаток выходного она провела с подругой, наотрез отказавшись от предложения Аркадия сходить в лес. Она ругала себя за то, что так легко купилась на его разговоры. Нужно быть полной кретинкой, чтобы вообразить, что между ними может произойти что-то серьезное. Правда, на обратном пути, когда они ехали в электричке, Катюша еще раз переосмыслила происходящее. Аркадий вел себя по отношению к ней вполне пристойно, и было бы глупо отказываться от общения с ним только из-за того, что ей наговорила подружка. Он мог бы стать для нее замечательным другом, а о большем она и мечтать не смела. Для этого у нее есть голова на плечах, да и рассуждала она здраво. Когда они сошли на перрон, Катюша приняла приглашение Аркадия проводить ее до общежития. Они долго стояли, разговаривая, на крыльце и никак не могли наговориться. Это казалось похожим на чудо. Раньше Кате казалось, что так легко и интересно может быть только с подругой. Они стали встречаться после работы вновь и вновь, и каждая такая встреча казалась ей праздником, а расставание навевало печаль. Катя считала часы до той поры, как снова увидит его. На работе они сдерживали свои эмоции, но девчонки и так обо всем догадывались и завистливо хихикали по углам. Ни у кого не было сомнений, что эти отношения скоро закончатся. Можно было лишь делать ставки относительно того, продлится ли их роман до конца месяца. Быть вместе до сентября – на такой прогноз решались немногие.

Самой недовольной была, конечно, Светка. Она предупреждала подругу, что добром эти приключения не кончатся.

– Он поиграет тобой – и бросит! – вешала она трагическим тоном. – У него таких, как ты, был вагон и маленькая тележка. Ты что, думаешь, что лучше их всех?

– У меня перед ними преимущество, – спокойно отвечала Катя.

– Какое, интересно?

– Я не сплю с ним. Мы с ним просто друзья!

– Боже мой, какая чепуха! – восклицала Светка. – Ты сама в это веришь? Какая может быть дружба между мужчиной и женщиной?

– Я интересна ему как человек.

– Может, я чего не понимаю... – удивлялась Светка. Это она говорила совершенно искренне. Любой мужчина в ее жизни стремился любым путем затащить ее в постель. – Честное слово, если бы мне не рассказывали о его интрижках с женщинами, я решила бы, что у твоего Аркадия не все в порядке с ориентацией, – в сердцах признавалась она.

– Не нужно мерить всех людей по одной мерке!

– А! Все мужчины одинаковы, –махала рукой Светка. – Впрочем, женщины тоже. Вот ты мне твердишь, что считаешь Аркадия другом, но зачем тогда ты каждый день укладываешь челку лаком?

– Ерунда! – покраснела Катя. – Я просто ухаживаю за собой.

– Раньше ты этого не делала. Ты не красила ресницы и каждый день приходила на работу в одних и тех же джинсах. Теперь вдруг стала менять наряды, красить губы. Да ты даже работать стала хуже! Что я, не вижу? Вы стоите, треплетесь по тридцать минут кряду, и он не делает тебе замечания!

Это была чистая правда. Ее следовало принять и не спорить. Но Светкины наблюдения стали для нее откровением. Неужели она влюбилась в Аркадия? Как же это произошло, если она давала себе слово быть благоразумной в любом случае? В душе ее трепыхалась надежда, что желание ухаживать за собой – это всего лишь требование возраста. Но сердце ныло от страха, что в один ужасный день она может стать ему не нужна. Что будет, если их разговоры ему наскучат? В тот день она не пришла к нему на встречу. На следующее утро сказалась больной и не вышла на работу. Аркадий явился к ней вечером с букетом роз.

– Что случилось? – спросил он.

Она начала что-то путано объяснять про свое самочувствие, но потом сбилась и беспомощно уставилась на него.

– Я скучал, – признался он. – Я целый день не находил себе места. В чем дело, Катюша? Я же знаю, что ты не больна. Во всяком случае, вид у тебя вполне здоровый.

Я скучал по тебе, Маша, Лена, Наташа... Я не нахожу места без тебя, Нина, Оля, Вера...

– Знаешь, так продолжаться не может, – выпалила она, чувствуя, что сжигает за собой мосты. – Я не та девушка, с которой можно играть.

– Ты считаешь, что я играю с тобой? – сказал он, делая шаг вперед.

– Мне так кажется, – пробормотала Катя. Она стояла перед ним в простом ситцевом халатике, с ненакрашенными ресницами и губами. Она чувствовала себя смущенной, застигнутой врасплох. В комнате, где обычно находились четыре девушки, она была одна. Все остальные разъехались по домам.

Когда он поцеловал ее нежным, долгим поцелуем, ей показалось, что земля уйдет у нее из-под ног. Все произошло в этой комнате с четырьмя койками и столом, придвинутым к окну. Но Катя больше не замечала выцветших обоев, простенькой обстановки казенного жилища. Все было намного лучше, чем в любом из романов, прочитанных ею в юности. Любимый мужчина был с ней рядом. Их сердца стучали в унисон. И Кате больше не было дела до того, что сказала бы по этому поводу Светка. Она знала, что сохранит эти мгновения в памяти на всю жизнь.

– Не страшно, даже если ты теперь меня бросишь, – прошептала она, перебирая пальцами его буйные кудри.

– Почему я должен бросать тебя, глупая? – отозвался Аркадий, укладываясь с ней рядом. – Так случалось во всех романах, которые ты читала? Мужчина обязательно должен бросить девушку после того, как с ней переспит?

– Обязательно, – кивнула она. – Тогда будет драма, и писателю будет что сказать.

– А не может случиться так, что главный герой просто женится на героине – и делу конец?

– Может, – согласилась она. – Но об этом никто не будет читать. Это неинтересно.

– Давай мы напишем для нашего с тобой романа счастливый конец, – вдруг предложил он. – Мы поженимся. Как ты на это смотришь?

Раньше Катерина полагала, что предложение руки и сердца делают в другой обстановке. Она сидит на кресле напротив него. В руках у нее роза. Он в костюме, взволнован и торжественен одновременно. Ну или это происходит там, где им совсем недавно удалось побывать, у реки на закате. Они сидят, обнявшись. Он целует ее в висок, заглядывает в глаза и говорит заветные слова...

Сейчас она пристально разглядывала занавеску, раздуваемую, как парус, под напором теплого июльского ветра. На самом видном месте было видно штопку. Дешевый капрон прохудился от солнца и времени...

– Ты молчишь, – сказал вдруг Аркадий. – Видимо, мое предложение не пришлось тебе по вкусу. Надо же, а мне казалось, что я нравлюсь тебе.

Катя испуганно взглянула ему в глаза.

– Нравишься? Да я люблю тебя больше всего на свете...

Ее слова обгоняли мысли. Здравомыслящая девушка на ее месте взяла бы паузу и не спешила с признаниями. Но тогда это была бы не Катя.

– Я люблю тебя. Но... как бы тебе сказать. Я не уверена, что мы подходим друг другу.

Он поднялся на локте.

– Что ты, черт возьми, имеешь в виду?

Катя смешалась.

– Я не знаю... Мне кажется, мы такие разные. Никто не поймет, чего вдруг мы решились пожениться.

– А я не намерен никому это объяснять, – заявил он. – Это должно касаться только нас двоих. Я не прав?

Конечно, он был прав. Абсолютно. Но Катю вдруг охватила паника. Она не была готова к такому стремительному повороту событий. Она не успела даже как следует подождать, пострадать, а ведь страдание, по ее разумению, было обязательной ступенькой к счастью. В один момент сбылись все ее мечты. Она получила любовь, о которой мечтала, и человека, который собирался на ней жениться.

– Ты считаешь, мы не торопимся? – спросила она с опаской.

– Я думаю, в самый раз, – отозвался он. – Я люблю тебя. Ты любишь меня. К чему тогда условности? На этой же неделе мы подадим заявление в ЗАГС.

О своем решении они сообщили ребятам на следующий день. Катя ждала поздравлений, веселого смеха, криков «горько!». Но студенты ошарашенно молчали. Только когда они поняли, что это не розыгрыш, раздалась жидкие хлопки. В обеденный перерыв к Кате подошла Светка.

– У меня такое чувство, что ты делаешь самую большую ошибку в своей жизни. Что ты о нем знаешь?

– Только то, что я люблю его всей душой. Для начала это неплохо, правда? – улыбнулась Катя. Она казалась бледной, какой-то изможденной и совсем не походила на счастливую невесту.

– Вы совсем не пара, – продолжала Светка. – Вряд ли вы будете счастливы.

Катя хотела слышать от подруги совсем другие вещи. Та могла успокоить ее и сказать, что верит в их с Аркадием счастье. Ей сейчас не нужна была критика, сколь бы справедливой она ни была. Ей не нужны были сомнения. Этого ей хватало с лихвой. Ей нужна была поддержка и слова утешения. Но подруга была жестка и деловита. Это возмутило Катю.

– Почему ты считаешь, что мы не пара? Ты полагаешь, что лучшей партией для меня был бы хромоногий карлик, слепой на один глаз? Ну спасибо, подружка.

– Я не имею в виду внешность, – поправила ее Светка. – Как там говорят? Муж и жена должны быть сделаны из одного теста. Но вы с Аркадием абсолютно разные. Я не представляю вас вместе...

– Знаешь, мне трудно понять, что с тобой, – перебила ее Катя. – Может, ты просто ненавидишь Аркадия, может, просто завидуешь мне? Но знай одно: я выйду за него замуж – и точка!

Катя и Аркадий расписались через месяц. Свидетелями у них на свадьбе стали Таня и Потапыч...

Глава 5

От очередной встречи в кабинете следователя Дубровская не ждала новостей. Она сидела на стуле возле окна, положив на колени блокнот, но точно знала, что записывать ей ничего не придется. Ушаков продолжал стоять на своем. Он безвинная жертва следственного произвола. Он спас женщину, а вместо благодарности его сунули в каталажку. Надо отдать ему должное, он держался стойко и не покушался ни на какие посулы сыщика.

– Не нуждаюсь я ни в каком снисхождении, – говорил он. – Я невиновен.

Слышать такое заявление от рецидивиста было по меньшей мере забавно. Хотя обычно люди подобной масти просто отказывались отвечать на вопросы, пользуясь правом, предоставленным им Конституцией. Они гордо молчали, не подписывали протокол и уходили из кабинета следователя с чувством выполненного долга. Они не лебезили, не горячились, доказывая свою невиновность, а говорили что-то типа: «Делай свою работу, начальник». Но Ушаков и вправду вел себя так, что на первый взгляд могло показаться, что он невиновен. Однако Дубровская уже знала от следователя, что ее клиент – махровый уголовник, много раз уходивший от правосудия и осужденный лишь дважды. Его не раз задерживали, но потом отпускали за отсутствием улик. У него даже кличка была «Пашка – золотой мизинец». Как объяснял следователь, этим самым мизинцем он творил настоящие чудеса, если так, конечно, можно назвать те виртуозные кражи, которые он совершал. Про его удивительные способности ходили легенды.

– Обратите внимание на его руки, Елизавета Германовна, – говорил сыщик насмешливо. – Отродясь он этими самыми руками ничего полезного не делал, поэтому они у него нежные и белые, как у барышни.

И действительно, пальцы на руках Ушакова мало соответствовали его внешности крестьянина. Кисти у него были небольшими и аккуратными, как у аристократа, а пальцы – тонкими и нервными, как у пианиста. Дубровской стало немного не по себе, когда она представила, как ее клиент этими проворными пальцами, как щупальцами, тащит кошельки из карманов и сумок беззаботных горожан. Она невольно пододвинула к себе сумочку, в которую сегодня положила деньги, снятые со счета в банке. Близился день рождения свекрови, и она собиралась заскочить на обратном пути в магазин и купить для нее шелковый халат с кистями.

– Ты прав, начальник, – отвечал Ушаков, ничуть не смущаясь того, что сыщик и адвокат пристально разглядывают его руки, много раз служившие орудиями преступления. – Я вор-карманник. Ты наверняка знаешь, что это среди бродяг особая масть. Я никого не бью и не насирую. Это ниже моего достоинства. Я представитель золотой профессии, чем и горжусь.

Дубровская воспринимала все это как китайскую грамоту. Она прекрасно знала, что ее клиент никогда не работал. Стало быть, о какой профессии идет речь? И как можно гордиться тем, что ты обкрадываешь людей?

Следователь, взглянув в ее озадаченное лицо, только усмехнулся.

– Рискну выступить переводчиком. Твой адвокат никогда и не слышал, что карманник – это одна из криминальных профессий. Это, как говорят, своего рода высший пилотаж. Вытащить кошелек у человека, который не спит и не под наркозом, – это требует изрядного мастерства. Вот почему «бродяги», как он выражается, – для нас они просто преступники – относятся к карманникам как к «белой кости». Это все равно что поставить против лаборанта из городской поликлиники сосудистого хирурга.

Лиза кивнула, показывая, что она уловила логику. Хотя для нее этот мир по-прежнему оставался чудовищным зазеркальем, где все привычные вещи и понятия отбрасывали кривые отражения. В том мире труд считался чем-то зазорным, а воровство, в свою очередь, уважаемым занятием.

Но Ушаков, похоже, не обращал внимания на двойные стандарты. Он только подтвердил слова следователя.

– Вот и ответьте тогда на вопрос, зачем мне нападать на женщину, если мне всего-навсего нужен ее кошелек? Зачем заламывать ей руки, приставлять к горлу нож, если все, что мне надо, я могу взять так, что она не заметит? Ведь она может закричать. Может, в конце концов, прыснуть мне в лицо своим чертовым аэрозолем, о котором нам говорил ее муж. Она может оказаться физически сильнее, а в наши времена это уже не редкость. В парке могут оказаться очевидцы. Мне это нужно? И все это из-за сумки, в которой, быть может, ничего и нет?

Ушаков разгорячился не на шутку. Пару раз даже ударил по столу ладонью. Стаканы жалобно дзынькнули, на пол упала ручка следователя и закатилась прямо под ноги Дубровской.

Сыщик вернул на место орудие своего труда и строго отчитал жулика.

– Потише, Ушаков! Мы тебе не суд присяжных. Нас пустословием не возьмешь. Не думаешь же ты, что я освобожу тебя только потому, что ты всю жизнь воровал кошельки и вроде как не нападал на женщин? Я много видел тебе подобных и скажу определенно: кривая дорожка до добра не доводит. Начинают с краж – заканчивают разбоем.

– Действительно, для суда нужны доказательства, – внесла свой вклад в дискуссию Дубровская. – Эти ваши рассуждения о профессии карманника – не аргумент.

– Вы так думаете? – повернулся к ней подозреваемый. – А считать человека виновным только потому, что он ранее был осужден, – это, по-вашему, аргумент?

– Это тоже не доказательство, – проговорила Елизавета, отдавая себе отчет в том, что сейчас лукавит. Наличие двух судимостей у Ушакова охладило ее пыл как защитника. В ее представлении человек, однажды преступивший закон, был способен сделать это повторно. К тому же Ушаков уже считался рецидивистом. – На вас указали два очевидца, и у нас нет никаких оснований им не верить. Аркадий Серебровский не знал, что вы судимы. Но он увидел вас едва ли не лежащим на его жене. Рядом валялась раскрытая сумка. Что он должен был подумать? Какие у него могли быть причины оговаривать вас?

– Это мне неизвестно. Замечу только, что он сразу кинулся на меня вместо того, чтобы помогать жене. Он что-то там говорил про астму... Но до приезда «Скорой» он даже пальцем не пошевелил, чтобы привести ее в чувство, – хмуро отозвался Ушаков.

– Люди во время стресса ведут себя по-разному. Серебровский – финансист, а не работник МЧС. Надо отдать ему должное, он сумел сориентироваться. В противном случае вряд ли бы мы сейчас разговаривали с вами.

Ушаков замотал головой.

– Дайте хоть воды, начальник, – попросил он хрипло. – Чувствую, пропаду я тут с вами. Пришлите вы мне поганую статью, и полечу я на зону белым лебедем.

Следователь плеснул в стакан воды из чайника и протянул Ушакову. Он не испытывал к жулику ни малейшего сочувствия, справедливо считая, что вор должен сидеть в тюрьме. Дубровская, в свою очередь, была несколько озадачена упорством своего нового клиента. Ей казалось, что было бы разумнее частично признать вину и говорить об отсутствии умысла на причинение жертве телесных повреждений, тем более на сексуальное насилие.

– Спасибо за душевную чуткость. Сейчас я чувствую себя намного лучше, – сказал Ушаков и, видимо, от полноты чувств приобнял сыщика рукой за пояс.

– Отставить фамильярности! – возмутился следователь. – Если вы не хотите остаток следственного действия провести в наручниках. Нужно ценить доброе отношение и не злоупотреблять им!

– Слушаюсь! – ответил Ушаков. К нему вернулось бодрое расположение духа, а может, он просто оставил бесплодные попытки защитить себя. – Что вы хотите от меня еще услышать?

– Думаю, мы уже все услышали. Так и запишем в протоколе: «*На ранее данных показаниях настаиваю, виновным себя не признаю*». Но ничего, Ушаков, вот будут готовы результаты экспертизы, вы у меня по-другому запоете! Ваши пальчики как пить дать обнаружат на ноже.

– Давайте подождем результатов экспертизы, начальник. Зачем торопить события? Жизнь полна неожиданностей.

– Конечно, подождем, Ушаков. У нас с тобой в запасе лет десять точно есть.

– Типун вам на язык! Злой вы человек, начальник. Кстати, не потеряйте, что-то у вас там торчит из кармана. – Ушаков похлопал себя по бедру, призывая сыщика сделать то же самое.

Действительно, серые шерстяные брюки дыбились бугром в районе кармана. Даже Дубровской был виден белый уголок какого-то объемного предмета.

– Уймись, Ушаков! – огрызнулся следователь, но руку к карману все-таки приложил. Через секунду он вытащил оттуда квадратный кошелек из белой кожи с крохотными розовыми горошками по фону.

На лице следователя отразилось искреннее недоумение, если не сказать больше – ужас.

– Черт возьми! Как эта штука попала ко мне в карман?

– Действительно, начальник, – поддакнул не менее удивленный Ушаков. – Сдается мне, что это не ваша вещичка.

– Сам вижу, не дурак. Это женский кошелек.

– Вот незадача! Как женский кошелек мог попасть к вам в карман?

– Ума не приложу! – бормотал перепуганный следователь.

Дубровская взирала на эту картину в немом оцепенении. Она что-то сказала, прежде чем поняла, что ее губы шевелятся, не произнося ни звука.

– Это мой кошелек, – произнесла она через силу. – Посмотрите, у меня даже сумка такая же.

Действительно, сегодня, вопреки обыкновению, Елизавета не взяла с собой портфель. Был чудесный весенний день, и ей хотелось после работы пройтись по магазинам. Именно поэтому она захватила с собой белую сумку в мелкий розовый горошек. В комплекте с ней шел злополучный кошелек, который сыщик только что выудил из своего кармана.

– Зачем вы положили свой кошелек в мой карман, Елизавета Германовна? – вопрошал следователь, не понимая, что задает идиотский вопрос.

– Зачем ей класть кошелек в ваш карман, любезный? – ответил ему за адвоката Ушаков. – Сдается мне, что этот предмет попал к вам в карман каким-то другим путем.

– Ничего не понимаю, – потер лоб ладонью следователь. Он не сомневался, что на его глазах произошла какая-то чудовищная мистификация.

Зато Дубровская покраснела как рак и во все глаза смотрела на сыщика. Она не решалась произнести свои соображения вслух, слишком уж все было невероятно.

Адвокат и следователь тарасили друг на друга глаза. Соловьем заливался лишь Ушаков, проявляя при этом несвойственную ему словоохотливость.

– Надо же! Что бы произошло, не прояви я сейчас наблюдательность? Адвокат лишился бы своего заработка. Лизавета Германовна, проверьте, все ли купюры на месте?

Дубровская машинально открыла кошелек и пересчитала деньги. Все было на месте, но проклятый Ушаков не унимался.

– Может, мне за раскрытие преступления медаль какую дадут или грамоту? Вы уж похороните, гражданин начальник.

– Да-да, – ошалело бормотал сыщик, пока вдруг не пошел красными пятнами. – Ты хочешь сказать, что *это я украл кошелек*?

– Судите сами, начальник. Гомонок обнаружили в вашем кармане, – скромно делился своими умозаключениями Ушаков.

Следователь вперил в него немигающий взгляд. На лице у него отразилось сомнение, затем удивление, смешанное с каким-то первобытным страхом, и, наконец, уверенность.

– Ах ты, сукин сын! – воскликнул он, выдыхая. – Так это ты все подстроил? Ты сунул мне в карман чужой кошелек?

Он схватил Ушакова за шиворот, но оторвать ладно скроенного мужичка от стула ему оказалось не под силу. Он едва не вырвал ему ворот.

– Зачем мне это нужно, начальник? – вполне естественно удивлялся арестант, но в его глазах горели жуликоватые огоньки.

– Вот что! Не нужны мне твои признания! – повысил голос следователь. – Сейчас позову дежурного, и все случившееся мы зафиксируем как кражу!

– Очень хорошо, – одобрил Ушаков. – Впервые в жизни я буду свидетелем!

– Не паясничай! – огрызнулся сыщик. – Ты шутики шутить вздумал? Твой адвокат напишет сейчас заявление, мы возьмем объяснения. Посмотрим, как ты заговоришь, когда делу дадут ход!

– Я не хочу писать никаких заявлений, – взмолилась Дубровская. – Деньги на месте, и у меня нет ни к кому претензий. Давайте рассматривать этот случай как фокус!

Она была потрясена и недоумевала, когда можно было проделать все эти манипуляции. Сумка все время находилась при ней. Быть может, только раз она потеряла бдительность. Когда вместе со следователем поднимала с пола его ручку. Но это было лишь мгновение. Видимо, и его оказалось достаточно для того, чтобы вытащить кошелек. В карман сыщика он перекинулся тогда, когда подозреваемый обнимал его за талию.

– Хорош фокус! – возмутился следователь. Он не мог простить арестанту своего минутного замешательства и того, что на пару мгновений Дубровская посчитала воришкой его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.